

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy
State University named after Shakarim Semey City
Belgorod State University

**RELIGION – SCIENCE – SOCIETY:
PROBLEMS AND PROSPECTS
OF INTERACTION**

Materials of the IX international scientific conference
on November 1–2, 2019

Prague
2019

Religion – science – society: problems and prospects of interaction: materials of the IX international scientific conference on November 1–2, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 75 p. – ISBN 978-80-7526-419-0

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Tamara I. Lipich, doctor of philological sciences, professor, head of department of philosophy and theology, Belgorod State University.

Alexey P. Konovalov, candidate of historical sciences, professor in the department of history, State University named after Shakarim (Semey), chairman of «Independent sociological center of Semey», Honored Science Worker of the Republic of Kazakhstan.

Ivan A. Doroshin, candidate of philosophical, sciences, assistant professor of the Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy.

Umidjon R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan)

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines problems and prospects of interaction between religion, science and society. Some articles deal with the place of religion in modern world. A number of articles are covered history and modern times of ecclesiastical art. Some articles are devoted to correlation of religious and scientific knowledge. Authors are also interested in problem of religious conflicts in the world.

UDC 2:001:316

ISBN 978-80-7526-419-0

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.
© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. THE PLACE OF RELIGION IN MODERN WORLD

Goncharov V. N. Role of religion in the development of modern society	5
Ахметшина Р. А., Фазлеева Р. Р. Попытки определения и культурно-философские предпосылки возникновения пародийной религиозности	8
Токен А. Н. Кремация в современном мире	14
Абдуллаева М. З. UZ доменидаги онлайн фатво сайтлари тахлили	17

II. HISTORY OF RELIGIOUS DOCTRINES AND ASSOCIATIONS

Волчкова О. О., Краснов А. С. Феномен двуединства политического и религиозного в средневековой христианской традиции	20
Горин А. А., Сафиуллина Е. А. Поволжская модель формирования этнокультурной идентичности в рамках развития болгарского этноса X–XIII вв.: религиозный аспект.....	23

III. HISTORY AND MODERN TIMES OF ECCLESIASTICAL ART

Matushanskaya Ju. G., Maximov V. Music in the Bibles	29
--	----

IV. MISSIONARY ACTIVITIES IN PAST AND PRESENT

Руфова Е. С. Миссионерская деятельность святителя Иннокентия Вениаминова в аспектах исследования первых изданий на якутском языке	39
Силаева З. В., Фоменко Н. И., Силаева Е. Н. Феномен «миссионерской деятельности» в православии: истоки и современность	42

V. HISTORICAL FEATURES AND FACTORS OF OCCURRENCE AND FORMATION OF THE WORLD'S RELIGIONS

Сапарбаев Б. Х.

Муҳаммад Раҳимхон I ҳукмронлигининг охирги йилларида ички
зиддиятларнинг кучайиши50

VI. CORRELATION OF RELIGIOUS AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Kolosova O. Yu.

Development of scientific knowledge in the context of religious beliefs53

Бисенгалиев Р. А.

О возможных предпосылках к циклической космологии в кораническом
тексте57

Энфи А.

Теория Сущностного Кодирования как универсальный научный
субститут традиционных систем религиозной этики.....59

VII. DISPUTING ISSUES OF RELIGIOUS EDUCATION OF YOUTH

Никольский М. В., Никольская Т. М.

Формирование духовно-нравственных основ учащихся при обучении
уставной православной иконы64

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2019–2020 годах.....70

Информация о научных журналах 72

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 73

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 74

I. THE PLACE OF RELIGION IN MODERN WORLD

ROLE OF RELIGION IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophy, associate professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. At all stages of human civilization development, religion remains one of the most important factors affecting worldview and way of life of every believer, as well as relations in the society as a whole. Each religion is based on belief in supernatural powers based on the need to comply with a certain set of rules and regulations prescribed to the faithful. Religion plays a very important role in the modern world - the number of believers is roughly the same both in the highly developed states and in the developing countries.

Keywords: religion; world religions; religious teachings; education; politics; society.

The fact that in the modern world a role of religion is still great denies the popular secularization theory in the 20th century, according to which a role of religion inverses development of progress [2, p. 142–145]. Proponents of this theory were convinced that by the beginning of the 21st century dew to a scientific and technological progress only people living in low developed countries would have believed in higher forces [4, p. 118–124]. In the second half of the 20th century, the secularization hypothesis was partly confirmed, as during this period theories of atheism and agnosticism developed and found millions of adherents, but the end of the 20th century and the beginning of the 21st century were marked by a rapid increase in believers and development of a number of religions [7, p. 123–128].

The process of globalization has also affected the religious sphere, so in today 's world the main religions of the world are becoming increasingly important, and there are fewer adherents of ethnic religions [10, p. 17–20]. The most common religions in the modern world are the so-called world religions – Buddhism, Christianity and Islam. Hinduism, Judaism, Daoism, Sikhism and other beliefs are also widespread [6, p. 18–22]. The 20th century and modern age can be called not only the time of the rise of world religions, but also the period of the birth and rapid development of numerous religious currents and pseudo-religious sects. A modern person has a very large choice of religious doctrines, and modern society in most countries of the world can no longer be called single-religious [14, p. 39–44]. It is obvious that the rise of world religions and numerous new religious movements depend on the spiritual and psychological needs of people [13, p. 73–78]. The role of religion in the modern world has hardly changed in comparison with the role of religious beliefs in the

past centuries, if not for the fact that in most states religion and politics are compartmentalized, and clerics do not have the power to influence political or civil processes [5, p. 139–14].

In many states, however, religious organizations have a significant influence on political and social processes [16, p. 241]. It should also not be overlooked that religion forms the world view of believers, so even in the secular states religious organizations indirectly influence the life of society, as they form views on life, beliefs, and often the civic position of citizens who are members of the religious community [9, p. 29–31]. Religion in the modern world has a number of functions.

Firstly, meeting the mental and mystical needs of people. Since most people have an interest in global philosophical issues and related experiences, it is religion that provides answers to these questions, as well as helps people to find mental balance and harmony [1, p. 83–86].

Secondly, the regulatory function of religion. It involves the fact that every religion has a set of established rules and moral norms for every believer. Therefore, it can be said that religious organizations create and justify moral, ethical and behavioural norms, which are followed by all who believe [11, p. 396–402].

Thirdly, the educational function of religion. A person's confession forces him to comply with the rules and norms prescribed for all believers, so many people adjust their own behavior after joining the church.

Fourthly, the comforting function of religion. In moments of tragedies, difficult straits and severe mental suffering, many people turn to religion as they want comfort. In religious organizations, people can get not only necessary support from believers, but also find hope for the best by believing in the possibility of the help of the higher forces.

Fifthly, the communicative function of religion. In almost all religious organizations believers communicate with each other. Religion unites people of the same confession into a group, gives them certain moral, spiritual and value guidelines [12, p. 282–284].

At the beginning of the 21st century rapid development of world religions and new religious currents caused a mixed reaction in the society, as some people began to welcome the revival of religion, but another part of the society opposes the increasing influence of confessions on a society as a whole [15, p. 82–89]. Characterizing the attitude of a modern society towards religion, there are some tendencies: more loyal attitude of citizens towards religions that are considered traditional for their state, and more hostile attitude towards new movements and world religions competing with traditional belief; increased interest in religious cults, which were common in the early days and almost forgotten until recent times (attempts to revive the faith of ancestors); demergence and development of religious movements, which are a symbiosis of certain philosophy areas and dogma from one or more religions; rapid expansion of the Muslim part of society in countries where this religion was not

widespread several decades ago; religious communities attempts to lobby for their rights and interests at the legislative level; movements that counteract the increasing role of religion in the life of the state.

In terms of Russia, it can be noted that at the moment it is a secular state in which freedom of belief is enshrined in law. Nowadays religion in modern Russia is going through a stage of rapid development. The demand in the society for spiritual and mystical teachings is quite high [8, p. 37–40]. The most common religion in modern Russia is Orthodox tradition of Christianity. In second place there is Islam, then - adepts of various movements of Christianity, which are not offshoots of Orthodox tradition, then – adherents of turko-mongolian shaman religions, neo-paganism, Buddhism, Old Belief.

Religion in modern Russia plays an increasing role, and this is not to say that this role is exactly positive. Growth of various destructive sects, attempts to introduce a religious tradition into educational process and religious conflicts in the society [3, p. 80–85] contribute to the negative consequences caused by rapid increase in the number of religious organizations in the country and rapid increase in the number of believers.

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Джиеова Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 4. - С. 17-20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. - 2013. - № 12-2 (39). - С. 396-402.

12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

ПОПЫТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРОДИЙНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Р. А. Ахметшина
Р. Р. Фазлеева

*Магистрант,
доцент,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. This paper is devoted to the analysis of the concept of parody religiosity and the cultural and philosophical conditions of its existence. The authors consider the main reasons for the appearance of this phenomenon: the process of secularization and the postmodern culture itself; the phenomenon of religious privatization and individualization; the religious consumerism; the exit of the sacred beyond the supernatural and transcendental limits; the discrepancy of traditional religions with the requirements of modern society; the emergence of the phenomenon of play religiosity and, so that, the appearance of new approaches to spirituality.

Keywords: parody religion; hyper-real religion; invented religion; fiction-based religion; secularization; postmodern society.

С определенной уверенностью можно утверждать, что пародийные религии или пародийная религиозность – это отдельный вид альтернативной или нетрадиционной религиозности со своими чертами и особенностями. Пародийная религия – это сложное социальное явление, в основе которого лежит группа идей, концепций и учений, объединенных по признаку наличия элемента пародии, иронии или сатиры над традиционной религией и религиозностью, пролегающего в основании их создания. Пародийная составляющая при этом может быть заложена самими создателями, о чем они сами могут заявлять (например, в случае пастафарианства), либо же считана сторонними наблюдателями (в случае джедаизма). Некоторые из пародийных религий являются реакциями на происходящие в обществе (как правило в сфере государственно-церковных отношений)

изменения, однако эта черта не является обязательной. Некоторые из них находятся на границе между позиционированием себя религией и действительным соответствием ей. Существуют такие пародийные религии, которые проводят параллели с уже существующими религиями, выстраивая собственное учение по их форме. Однако единственный общий для всех них признак – это наличие той самой пародийности [10].

В контексте религиоведческого анализа феномена пародийной религиозности, стоит выделить исследования западных религиоведов, занимающихся рассмотрением пародийных религий в качестве новых форм религиозности.

В частности, речь идет о концепциях гиперреальных религий (Hyperreal Religion) Адама Поссамея, изобретенных религий (Invented Religion) Кэрл Кьюсак и выдуманных религий (Fiction-based Religion) Маркуса Дэвидсена. Каждый из них по-своему смотрит на природу и сущность подобного вида религиозности.

Одним из первых на специфический новый тип религий, слабо вписывающийся в традиционные представления и не имеющий как такового научного объяснения, обратил внимание социолог религии Адам Поссамей. Эти новые формы он назвал «гиперреальными религиями», позаимствовав термин у французского социолога и философа-постмодерниста Жана Бодрийяра. Будучи семиотиком, Бодрийяр интересовался взаимоотношениями между знаками и их предполагаемыми и действительными объектами, он проводил различие между двумя типами знаков на основе различий в референтности. Знаки, которые относятся к реальному объекту в реальном мире, называются представлениями или репрезентациями, а знаки, которые не имеют объекта, или, точнее, знаки, объект которых является явно выдуманной идеей, называются симулякрами. Например, слово «корова» и изображение четвероногого крупного рогатого скота, производящего молоко, относятся к настоящим коровам и поэтому являются репрезентациями. С другой стороны, пластиковая фигурка Микки Мауса относится не к реальному существу, а к вымышленному персонажу и, следовательно, является простым симулякром. В то время как репрезентации относятся к реальным объектам (либо по сходству, либо по соглашению), симулякры не имеют никакого отношения к реальности. Однако семиотическое качество «реальности» можно отнести к симулякрам, и поэтому симулякры могут восприниматься как реальные. Бодрийяр называет эту особую реальность «гиперреальной». Следуя логике Бодрийяра, празднование национальных праздников можно рассматривать как форму симуляции, которая усиливает приписанную гиперреальность нации, самой по себе довольно нематериальной или симулякричной. Однако нации – не лучший пример симулякра, поскольку люди, составляющие нацию, склонны делиться некоторыми вполне реальными вещами, включая практики, воспоминания и, возможно, гены. Вместо этого Бодрийяр предлагает христианского Бога в качестве основного примера симулякра, который был повы-

шен до гиперреального статуса: «...разрушительная, всеуничтожающая истина заключается в том, что в действительности Бога никогда и не было, что существовал всегда только симулякр, более того, сам Бог был всегда своим собственным симулякром» [1, с. 10].

Поссамей предлагает рассматривать в качестве гиперреальных такие религии, как джедаизм на основании того, что они в качестве своего источника используют вымышленные нарративы из творений поп-культуры. Исходя из этого, «гиперреальная религия» определяется Поссамеем как имитация религии, созданной или находящейся в совместном существовании с массовой культурой, которая вдохновляет последователей на метафорическом уровне и/или является источником веры в повседневной жизни [6, с. 198]. То, что действительно имеет в виду Поссамей, религиовед Маркус Дэвидсен предлагает называть *fiction-based religion* – религия, основанная на популярном художественном нарративе (таком как комиксы, романы, фильмы и игры) [9].

Дэвидсен разделяет религии на историчные и выдуманные (условный перевод термина *fiction-based religion*). Историчные религии основаны на писаниях, сказаниях, мифах и легендах, в которых заложена претензия на реальность описываемого (независимо от того, идет речь о потустороннем или посюстороннем мире) – это большинство известных нам религий, начиная от традиционных мировых и заканчивая всевозможными вариациями новых религиозных движений. Выдуманные же религии основаны на литературном тексте, мир которого сам его автор рассматривает как нереальный. Например, к таким религиям относится джедаизм, основанный на серии фильмов Дж. Лукаса «Звездные войны» [9]. Вымышленные нарративы похожи на религиозные, если рассказывают о сверхъестественных явлениях и процессах, но отличаются в плане того, что вымышленные нарративы помещают сверхъестественное в вымышленный мир, тогда как религиозные нарративы утверждают реальность сверхъестественного. Поэтому, как класс, традиционные религии попадают под рубрику историчных.

Австралийский религиовед Кэрол Кьюсак предполагает, что появление новых типов религий, начиная со второй половины XX в., в том числе и пародийных, свидетельствует о становлении нового типа духовности [10]. В свою очередь, Кьюсак предлагает новый термин, схожий по содержанию с пародийной религией – *invented religions* – изобретенные религии. При этом она настаивает на том, что всякую религию по-своему можно назвать изобретенной, и в этом плане содержание введенного термина предстает как очередная расширительная трактовка религии.

В целом, можно сказать, что религиозность, основанную на выдумке, можно отнести к религиозной деятельности и религиозным традициям, в которых художественные тексты используются в качестве авторитетных вероучительных источников. Сложность изучения пародийного культа заключается в том, что зачастую принадлежность к нему никак не отражается на повседневной жизни индивида, хотя при необходимости стороннему

наблюдателю вполне могут быть продемонстрированы и специфические обряды, и лексика, и прочие элементы культа.

Культурно-философские особенности возникновения пародийных религий обусловлены, с одной стороны, последствиями процесса секуляризации общества, а с другой – особенностями самой эпохи постмодерна.

Как известно, современное западное общество зиждется на основе принципа светскости, разграничении церкви и государства, священного и мирского. Следствием этого разделения выступает свобода вероисповедания и равенство всех религий перед законом, религиозная принадлежность становится личным делом каждого индивида. Со становлением секулярного общества человек обретает свою власть над религией, а не наоборот, как было прежде, решая самостоятельно, выбирать ему ту или иную систему верований, создать свою с нуля, изменить уже существующую традицию под свои нужды или же не совершать выбора вообще [8]. Самым явным результатом свободы религиозного выбора можно назвать востребованность идеи личного Бога, первые шаги к которой были сделаны еще во времена реформации. И неслучайно пародийные религии берут начало в США – стране, где протестантизм не только является самым крупным религиозным направлением, но и сам оказывается представлен в большом множестве его направлений и деноминаций. В итоге в секулярном обществе происходит явление приватизации религии и веры, а разность людей и их нужд начинает порождать разнообразные новые религиозные течения, каждое из которых отвечает интересам определенных групп лиц [2]. Подобно товарам и услугам в капиталистическом обществе, религия превращается в своеобразный объект потребления, становясь все более коммерческой, индивидуализированной и демократизированной [5]. Она постепенно начинает выбираться из-под гнета тоталитарности догм и непререкаемости авторитета традиции, становясь более гибкой, многогранной и в какой-то мере неуловимой. Однако такой поворот не стоит считать упадком веры и религии, речь идет скорей об ином способе ее выражения и отражения в непосредственной бытовой жизни индивида [7].

В контексте нашего исследования особо значимым является тот факт, что несмотря на избавление от рычагов давления религии на человека, сама она не исчезает, а появление новых ее форм, напротив, свидетельствует о нужде современного человека в обретении духовных и нравственных ориентиров. При этом чрезмерные объемы свободной информации по самым разным вопросам, обрушившиеся на человека с развитием технологий, способствуют невольному развитию духа скептицизма, который и не позволяет сделать выбор среди представляемых ему религий. Отчасти причина тому кроется в ультимативности убеждений относительно некой единой и объективной Истины или Абсолюта которую человек эпохи постмодерна попросту не может принять [4]. Конфликт между внутренним стремлением к поиску духовности и неспособностью пойти против соб-

ственных же принципов и убеждений порождает такое явление, как игровая религиозность, выражением которой и являются пародийные религии [3].

Игровая религиозность представляет собой имитацию (или пародию) религиозной игры, реализующейся в обрядовой части традиционных религий (например, в виде воспроизведения сакральных сюжетов в литургии), с искажением ее в сторону абсурдизации, намеренного утрирования отдельных ее черт. Таким образом, пародийная религиозность представляется игрой в религию независимо от того, какие цели перед собой ставит та или иная пародийная религия, и какие действительно преследует внутренне. Основной упор представители пародийных религий делают на внешнем соответствии – формальная структура, околорелигиозные символы, внешние атрибуты, игровое отправление культа, собрания и шествия единомышленников, – потому что внешняя сторона – это то, что в первую очередь привлекает внимание стороннего наблюдателя и приглашает его принять участие в игре. Далее, уже при погружении в контекст конкретной пародийной религии, раскрывается внутренняя часть учения, серьезная составляющая в целом несерьезных пародийных религий, направленная на решение социальных и духовных задач.

Кроме указанных фактов секуляризации и плюрализации религиозного сознания современного человека, на формирование пародийных религий влияет сам дух общества постмодерна. На это указывает использование при их создании таких постмодернистских приемов как ирония и деконструкция. В игровой религиозности может реализоваться сценарий, когда в игре начинает участвовать тот, кто не понимает ни языка игры, ни ее правил: отказ от институционализации и строгой иерархичной структуры ведет к тому, что всякий желающий может трактовать и использовать учение так, как сам того пожелает. В случае с пародийными религиями ситуация может осложняться невосприимчивостью конкретного человека к иронии и сарказму. Подобная двойственность восприятия содержания пародийных религий ее последователями постепенно приводит к размыванию грани между серьезностью и несерьезностью, как для внешнего наблюдателя, так и для непосредственных участников игры, – это иллюстрация того, как посредством иронии порождается двусмысленность. Вместе с тем, наличие иронии делает пародийные религии по-своему привлекательными просто потому, что большинство религий в принципе ее лишены, возводя в качестве основного принципа принадлежности к ним серьезность веры и строгость соблюдения догм и обрядов. Ирония же создает эффект многомерности смыслов, заложенных внутрь религии, возможность творческого поиска и осмысления новых ее граней.

Таким образом можно утверждать, что пародийная религиозность представляется сложным феноменом, в рамках которого заключена двойственность восприятия последователями постулируемых религиозных норм, характеризующаяся смешением искренности и иронии. Будучи вовлеченным в пародийную религию как в некий протестный социальный

проект, индивид может находить в учении собственную истину, смысл жизненного существования. Само же конструирование пародийной религиозности осуществляется во многом за счет духа эпохи постмодерна, которая закладывает обыденность ироничного осмысления жизни и благодаря которой появляется сама возможность возникновения «религии против религии». Институционализации предшествует творческий акт деконструкции имеющихся в социальной реальности смыслов, после чего привлеченные в пародийную религию индивиды начинают заниматься осмыслением и дополнением уже созданного конструкта, осуществляя тем самым легитимацию созданного института.

Подводя итог вышесказанному, к культурно-философским предпосылкам возникновения пародийных религий мы можем отнести такие тенденции развития религиозности современного общества как: процесс секуляризации и самой культуры постмодерна; явление приватизации и индивидуализации религии; религиозный консюмеризм; выход сакрального за пределы сверхъестественного и трансцендентного; несоответствие традиционных религий запросам современного общества; появление феномена игровой религиозности и, как следствие, появление новых подходов к духовности.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / – Перевод О.А. Печенкина. Тула, 2013. С. 10.
2. Бубнов Ю.А. Секуляризация как духовное явление европейской культуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekulyarizatsiya-kak-duhovnoe-yavlenie-evropeyskoj-kultury> (дата обращения: 30.05.2019).
3. Гаврилов Е.О. Игровая религиозность как репрезентант современных тенденций социального развития // Вестник КемГУ. 2015. №2-4 (62). С. 193–198.
4. Журавский А. Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_10235.html (дата обращения 25.05.2019).
5. Товбин К.М. Пострелигия: традиционалистский анализ. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postreligiya-traditsionalistskiy-analiz> (дата обращения: 30.05.2019).
6. Фазлеева Р.Р. Гиперреальная религия и гиперреальный атеизм как новые формы существования в пространстве знаково-символического потребления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 198.
7. Чеснова Е. Н. Место и роль религиозной веры в контексте секуляризационных процессов в обществе // «Религии России: проблемы социального служения»: сборник материалов II Междунар. науч.-практич. конф., г. Н. Новгород, 6 октября — 9 октября 2012 г.. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2011. – С. 96–99.
8. Элиаде М. Современные верования // Мифы, сновидения, мистерии. М.: Ваклер, 1996. С.21-60.
9. Davidsen, M.A. Fiction-based religion: Conceptualising a new category against history-based religion and fandom [Электронный ресурс] // Universiteit Leiden. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/48123> (10.04.2019).

10. Invented Religions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.religiousstudiesproject.com/podcast/podcast-carole-cusack-on-invented-religions/> (10.04.2019).

КРЕМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. Н. Токен

*Магистр, учитель,
Школа № 3,
г. Семей, Казахстан*

Summary. This article highlights the issue of improving the quality of the funeral industry in modern society. Modern approaches to the cremation procedure are considered. The attitude of representatives of various faiths is described.

Keywords: Cremation, ashes, burial, crematorium, funeral

Люди зачастую не любят говорить о смерти и тем более задумываться о собственных похоронах в будущем. Но, как все мы знаем, человеческое тело не вечно, и приходит время, когда перед каждым человеком встает вопрос о том, как провести захоронение усопшего. Ежегодно на нашей планете умирают свыше 50 млн. человек, и как бы кошунственно это не звучало, но сегодня проблема похоронного дела в современной западной культуре стоит в одном ряду с «утилизацией человеческих отходов». Социологи отмечают, что в развитых странах смерть человека стала «незначимой» для культуры и «невидимой» для общества. Она обставлена таким образом, что является делом одних только врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом, а общество ведет себя так, будто никто не умирает поскольку потеря отдельного индивида не пробивает никакой брешы в его структуре [1]. Первые доказательства зарождения традиции использования огня в погребальной практике зафиксированы археологами в эпоху среднего палеолита. В мезолите, энеолите, неолите и бронзовом веке в отдельных культурах, наряду с труположением стали практиковать кремацию. В раннем железном веке кремация распространяется повсеместно, порой как доминирующий над труположением обряд [2].

В современном мире кремация в разных культурах воспринимается по-разному. Для того чтобы совершить кремацию нужно иметь крематорий. Крематорий – это не просто здание, это целый комплекс услуг, позволяющий достойно проститься с умершим. В настоящее время в Казахстане не имеется ни одного такого комплекса. Самый близкий к нам крематорий расположен в Новосибирске который оборудован всем нужным для полноценного кремирования и выдачи праха родственникам усопшего.

Важную роль при этом играет отношение различных религиозных конфессий к кремации. Так правоверным иудеям она категорически запрещена, тело обязательно должно быть похоронено в земле. Современ-

ный ислам также однозначно отрицает какие-либо возможные случаи кремации умерших. Однако уточняется что если тело человека все же сгорело, то душа не пострадает, поскольку грех ложится на тех, кто совершил его [3].

Появление услуги кремации тел умерших людей приобрела популярность во всем мире. Многие люди еще до смерти изъявляют свою волю о кремации в завещании. Также многие семьи, утратившие близких, всё чаще соглашаются с таким видом похорон.

В начале XX века тенденция к преобладанию кремации как способа погребения стала очевидной во всех индустриальных странах Запада. Однако ужасы Второй мировой войны привели к тому, что в массовом сознании европейцев крематории, как и сам факт сожжения тел умерших, невольно ассоциировались с «фабриками смерти» концентрационных лагерей фашистской Германии. Последующее развитие постиндустриального общества с его быстрым ростом промышленных городов привело к формированию «новой жизненной философии», а с ней и к пересмотру отношения общества к проблеме смерти [4].

Конечно же, прежде чем отдавать предпочтение кремацию, следует осмыслить, в чем ее плюсы, а в чем минусы. Прежде всего, кремация тела позволяет сэкономить место на кладбище. На сегодняшний день в миллионных городах многих стран просто не хватает мест для захоронения людей. Кремация тел покойников дает возможность занять минимум места на кладбище. Так, прах умершего человека после кремации помещают в специальную урну, которая может находиться у родственников или помещаться в места, специально отведенные для этого, на кладбище. Вместе с этим, родные покойного человека не смогут помянуть его возле могилы. Как таковой ее не будет.

Возможно люди полагают, что сожжение трупа после кончины, это гигантская экономия места на земле, где существует проблема перенаселения, это намного экологично, нежели предание тела земле, ведь даже через гробы происходит распространение трупного яда. То есть на почве, где когда-либо был похоронен человек, нельзя ничего выращивать. Староверы всегда предавали огню тела умерших, и только когда пришло, в нашем случае, христианство, кремацию стали отождествлять с язычеством. На самом же деле, огонь всегда был символом очищения, даже сейчас в христианстве это осталось, ведь именно горящей свечой освещают помещения. Не стоит забывать, что кремация очень помогла в период эпидемии чумы в Европе.

Также не стоит отрицать тот факт, что кремация гораздо более экологичный способ погребения. Образующиеся после нее останки проходят этап минерализации за 1–2 часа, в то время как естественный путь занимает до 50 лет. Соседствующие с жилыми зонами и водохранилищами, кладбища являются санитарной проблемой, так как дождями и подземными водами размывается час грунта, что ведет к попаданию в водное русло про-

дуктов трупного распада вместе с стоками, а в дальнейшем к загрязнению питьевой воды. В свою очередь экологи утверждают, что так называемые выбросы от крематория, вредны для окружающей среды, но они так же сравнимы с загрязнениями от оживленной автотрассы.

Современная культура является «живой», постоянно развивающейся целостной системой, в рамках которой осуществляется общественная деятельность человека, опирающегося на опыт и традиции поколений. Традиция является регулятором процессов инновации и стереотипизации – отбора и выделения новых технологий и моделей деятельности, принятия их определенными группами людей. «Альтернативный кремационный сервис», постоянно развиваясь, выдвигает и будет выдвигать все новые предложения, но в данном случае нам интересны не возможности и достижения высоких технологий на рынке «мемориальных услуг», а их воздействие на развитие мировоззрения современного человека.

В современной культуре именно со средствами массовой информации связано формирование позитивного или негативного отношения к кремации, сохранение и развитие либо отрицание новых традиций. В общественное сознание внедряются простые, но в то же время легко воспринимаемые «истины», убеждающие, что последнее прощание может быть праздником жизни, подтверждающим, что она прожита не зря. Внутренняя природа любого погребального обряда слишком глубока и многомерна и не позволяет давать простых и окончательных объяснений происходящих изменений; тем более когда речь идет о трупосожжении, связанные с ним обряды, как правило, семантически чрезвычайно насыщены. За кажущейся новизной рекламного призыва «лучше стать огнем в бездонном небе и слиться с Вселенной, чем лежать в дорогом ящике в земле», можно обнаружить архетипические образы, извлеченные из глубинных мифологических пластов сознания, и увидеть идеи философского антропоцентризма, стремящегося возвысить человека до осознания им своей исключительности в космическом мире. Человек – это наивысшая цель и главный смысл саморазвития всех мировых событий.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989.
2. Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения института археологии. — 2010. — Вып. 224. -С. С. 85–97.
3. Исламский информационный портал // <http://islaminfo.ru/>(Дата обращения 23.09.2019)
4. Митько о. Кремация в современной культуре . Вестник НГУ. серия: история, филология. 2006. том 5, выпуск 3

UZ ДОМЕНИДАГИ ОНЛАЙН ФАТВО САЙТЛАРИ ТАҲЛИЛИ

М. З. Абдуллаева

Докторант,
Ўзбекистон халқаро ислом академияси,
Тошкент, Ўзбекистон

Summary. This article investigates the online fatwa web sites of domain UZ in Uzbek language. There were classified themes of published in these sites. Variety of questions and given answers shows the increasing demand by current themes in the society.

Keywords: online fatwa; domain UZ; cyberspace; Islam; savollar.islom.uz; fiqh.uz; savollar.muslim.uz.

Рақамли технологиялар ижтимоий алоқалар ва маълумот алмашинувининг нафақат сон жихатдан, балки уларнинг сифат кўрсаткичлари, яъни қийматининг ошишига олиб келди. Ахборот технологияларининг жадал тараққиёти келтириб чиқараётган бундай муҳим ижтимоий ўзгаришлар диний жараёнларга ҳам ўз таъсирини ўтказмоқда. Бундай таъсирнинг аниқ кўринишларидан бири сифатида кўп миллатли Ўзбекистон аҳолисининг диний масалалар билан боғлиқ эҳтиёжларини “онлайн” тарзда қондиришга интилиши ўзини тобора яққолроқ намоён этиб бормоқда.

Охирги йилларда Ўзбекистон Республикаси фуқароларининг ахборотга бўлган эҳтиёжи ва интеллектуал талабларини қондириш заруратининг кучайгани интернетдан фойдаланувчилар сонининг жадал ўсишига олиб келди. Шунга мутаносиб равишда “uz” доменларининг сони ҳам ўсиб борди.

1995 йилдан Ўзбекистон аҳолиси “uz” доменларидаги маълумотлардан фойдаланиш имкониятига эга бўлди [1, б. 56]. Тадқиқотлар натижасига кўра дастлабки рўйхатдан ўтган ва ҳозирги кунгача фаолият олиб бораётган диний мазмундаги доменлар “muslim.uz” (2003 йилда) [2, б, 68] ва “islom.uz”, “quran.uz” (2004 йилда). Мазкур сайтлар маълумот берувчи сайт вазифасидагина эмас, балки фойдаланувчиларга қулайликлар яратиш мақсадида интерфаол усулларда хизматлар кўрсатиб келади. Сайтлардаги онлайн радио, онлайн ТВ ҳамда алоҳида савол-жавоблар саҳифасининг мавжудлиги бунга мисол бўла олади.

Бугунги кунда ўзбек тилидаги фойдаланувчилар учун “uz” доменида онлайнфатво берувчи қуйидаги сайтлар ишда таҳлил қилинади. Булар: “islom.uz” порталининг “savollar.islom.uz” ва “fiqh.uz” ҳамда Ўзбекистон мусулмонлар идорасининг “savollar.muslim.uz” сайтлари.

Мовароуннаҳр фикҳ академияси номи остида 2011 йилдан [3] буён фаолият олиб борувчи “fiqh.uz” сайти қуйидаги мавзулар бўлимдан иборат:

Мазкур бўлимлар ўз навбатида маълум масалаларни қамраб олган мақолалардан иборат. “fiqh.uz” сайтида муаллифлар томонидан масалалар юзасидан мақолалар жойлаштирилиб борилади [5]. Муаллифлардан Шайх Муҳаммад Содиқ Муҳаммад Юсуф (129 та) томонидан энг кўп мақолаларга жавоб йўлаган бўлиб, ундан кейинги ўринларда Ҳамидуллоҳ Беруний (35 та) ва Алоуддин Хофий, Муҳаммад Али Муҳаммад Юсуфлар (14 тадан) жой олганлар.

“islom.uz” порталининг “savollar.islom.uz” саҳифасидаги энг биринчи жойлаштирилган савол 2007 йил бошига тўғри келади. Мазкур саҳифа қоидалар, маълумотлар, сайт ҳақида менюларидан иборат. Шунингдек, 25 дан ортиқ бўлимлардан иборат бўлиб, қуйидаги бўлимларда 2 000 дан ортиқ саволлар ва уларга берилган жавоблар мавжуд.

Дигараммадаги тақсимотдан аҳолимизнинг қизиқтирган масалалар орасида турли ва долзарб мавзуларга оид саволлар билан кўп мурожаат этилиши аён бўлди. Зеро, масалалар хусусийлашганда эса, оила ва турмушда вужудга келадиган масалаларни ҳамда ҳалол ва ҳаром ўртасини ажратишга оид тўғри ҳукмларни олишга бўлган интилиш етакчилик қилиши аҳоли турмуш тарзига ва ўзаро муносабатларида диндан

узоқлашмаган ҳолда иш кўриш жамият ҳаётида етакчилик қилишини кўрсатди.

Ўзбекистон мусулмонлар идорасининг “muslim.uz” сайтининг “savollar.muslim.uz” саҳифаси қуйидаги бўлимлардан иборат [4]: рамазон; таҳорат ва намоз; ҳаж ва умра; касб ва тижорат; никоҳ ва талоқ. Мазкур саҳифа икки йилдан ортиқ вақт мобайнида фаолият олиб бораётган нисбатан ёш фатво сайтларидан. Ундаги саволлар сони 2018 йил июнь ойи ҳолатига 9 мингдан ортиқ.

Веб сайтларда жойланган мавзулар кўламида энг кўп мақола жойланган бўлим “Ибодатлар” ҳамда хосланганда оила ва турмушда вужудга келадиган масалаларни кўп сўралиши ижтимоий тармоқлар орқали аҳолининг мурожаатлари билан мутаносиб эканлигини яққол намоён қилди.

Ижтимоий ҳаётда юзага келадиган турли тушунмовчиликларга ҳамда маълум масала юзасидан билмаган жиҳатларини сўраб, фатвога асосланиб иш кўриш мусулмонлар ҳаётида муҳим аҳамият касб этади. Бугунги кунда баъзи бир эътироф этилмаган шахслар ёки маълум мақсадларга йўналтирилган тузилмалар томонидан кўштирноқ ичидаги “фатволар” инсонларни ислом маърифатидан узоқлаштиришга сабаб бўлаётган бир даврда ўзбек тилидаги фойдаланувчилар учун “uz” доменида онлайнфатво жойлаштирилган сайтлар ва тармоқларнинг аҳамияти ортиб бормоқда.

Библиографик рўйхат

1. Abdullaeva, M. Z. (2019). Media space of domain uz (on the example “islom.uz”). *ISJ Theoretical & Applied Science*, 10 (78), 56-59.
2. Ўзбекистон мусулмонлари идораси / таҳрир ҳайъати: У.Алимов ва б.; масъул муҳаррир Шайх А.Мансур. – Т.: Мовароуннаҳр, 2014.
3. <https://cctld.uz/whois/?domain=fiqh&zone=uz> (дата обращения: 17.10.2019)
4. <http://savollar.muslim.uz/> (дата обращения: 05.07.2018)
5. <http://fiqh.uz/> (дата обращения: 15.10.2019)

II. HISTORY OF RELIGIOUS DOCTRINES AND ASSOCIATIONS

ФЕНОМЕН ДВУЕДИНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

О. О. Волчкова
А. С. Краснов

*Кандидат философских наук, ассистент,
кандидат философских наук, доцент,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article is a brief description of the correlation of the categories of political and religious in the history of medieval tradition. The authors consider the strategy of the dual unity of state and church, expressed in the basic principles of medieval philosophers and theologians. In the different periods of history, the preponderance was on different sides, and the essence of the relationship between the church and the state is expressed in the concept of "potestas-auctoritas".

Keywords: politics; religion; Middle Ages; Christianity.

Для интерпретации феномена политического в средневековой религиозно-философской мысли, в первую очередь, необходимо обратиться к паре латинских концептов – «auctoritas – potestas», которые являются отражением теологической политической теории о двух началах власти. Средневековый философ, богослов Августин Аврелий в своих трудах выдвинул теорию о существовании двух градов – «Земного» и «Божьего»: «Итак, два Града созданы двумя видами любви, а именно: земной – любовью к себе вплоть до пренебрежения Богом, Небесный – любовью к Богу вплоть до забвения себя» [1, с. 28]. Таким образом, истинная сущность человека и идея общего блага, согласно Августину Блаженному, выражается не в полисе и государстве, не в общественной жизни, как это предполагалось у Платона, Аристотеля и целого ряда античных мыслителей, учения которых легли в основу теоретико-методологического обоснования логических постулатов христианства, а в индивидуальном существовании согласно требованиям и велениям Бога, в любви к Богу. Однако, важным остается факт, что отождествление двух градов с воплощением конкретных институтов – церкви и государства, невозможно, а граница между ними представляется настолько размытой, что разрешение ее принадлежит лишь небесному порядку. Августин Аврелий прямо не указывает на то, что государство представляет собой негативную организацию и должно быть полностью подчинено церкви, хоть и упоминает «истинное» происхождение данного института – государство является наказанием человечеству за

первородный грех [цит. по 6, с. 158]. Мысль Августина гораздо масштабнее, различая две власти – духовную (церковную) и земную (государственную), истоки обеих мыслитель находит в божественном установлении и естественном порядке вещей, определённом Богом.

По мнению Августина, разделение властей заложено основателем Церкви, исходя из понимания слабости человеческой натуры, разделение духовной и светской властей определяют очерченные области влияния власти, что и является гарантией реализации каждой из властей вверенной ей миссии.

Однако, равновесие между двумя властями было недолгим, идея равновесия между политическим и религиозным потерпела крах, развязав войну за первенство в общественной жизни, которая в различные исторические периоды принимала нестандартные формы. Римский папа Григорий I провозглашает тезис о том, что церковная власть располагается выше светской, а политика является лишь одним из инструментов реализации замыслов Бога, соответственно, государственная власть априори вторична от власти церковной.

К X веку традиция соотношения властей воплощается следующим образом – *potestas* (как мощь, возможность) признается за светской властью и реализуется как возможность действия, физического влияния, а *auctoritas*, в свою очередь, признается за властью церкви, которая легитимирует действия светской власти. Таким образом, светские правители имеют власть над телами, физическим пространством, но лишь церковная власть может легитимировать их действия, перевести решения государя в плоскость права [5]. Можно сделать вывод о том, что для периода расцвета средневековья характерна победа церковной власти над светской и определяющая роль главы церкви – Папы Римского, в решении мирских и государственных вопросов. Данное обстоятельство лишний раз доказывает тезис о том, что, согласно средневековой христианской традиции, правитель, обладающий *potestas*, но не имеющий *auctoritas* – тиран и деспот, незаконно узурпировавший власть. Свержение такого правительства народом не только допускалось, но и одобрялось церковью как богоугодное и праведное деяние [3, с. 181]. Ведь власть, негодная Богу, и, в частности, Церкви, как представителю Бога на земле, должна быть низложена, заменена достойным правителем. Таким образом, истинный монарх должен уважать Церковь и находится в сыновьих отношениях с ее главой – Папой Римским.

Идея соотношения двух властей и ведущей роли церковной власти отразилась и в теории «двух мечей», оформившейся к XI веку. Образ меча появляется в Евангелии, в повествовании о страстях Христовых [4, с. 137]. Эпизод с появлением двух мечей стал основой теории, созданной французским богословом Бернардом Клервоским, согласно которой оба меча, символизирующие две власти, находятся в распоряжении апостолов и, соответственно, Церкви, однако, второй меч – светский, не может быть исполь-

зован ею самой напрямую, а лишь правителем, с благословения или веле-ния Церкви.

Папа Александр II, поддерживая идею двух мечей, также развивает дихотомию в пользу церковной власти, подчеркивая, что *auctoritas* церковь получила напрямую от Бога, а *potestas* светские правители получают опосредованно, через Церковь.

Схожий тезис приводит в своем исследовании политического в эпоху Средневековья Э. Канторович, приводя цитату «Власть короля есть власть Бога; Она принадлежит Богу по природе, и королю по милости» [2, с. 145]. Аллегория заимствования теологического двуединства христианского общества и Церкви была перенесена на категорию политической власти и выражена в идее двух тел короля, тщательно описанной Канторовичем. Сформированная система политических понятий представляет собой ни что иное как секуляризованную теологическую терминологию. Два тела короля – естественное (смертное) и политическое (невидимое, существующее для наставления народа, в силу которого король приобретает легитимный авторитет и не может быть неправ в своих решениях и действиях) сплетаются в невидимое единство по аналогии с теологической доктриной – «церковь и христианское общество – суть два тела, во главе которого Иисус» [2, с. 148].

Библиографический список

1. Августин. О граде Божием / Блаженный Августин // Творения: в 4 т. Т. 3. – СПб., 1998. – 595 с.
2. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 744 с.
3. Катин В. И. Типология взаимоотношений церкви и государства / В. И. Катин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13, № 7. – С. 181 – 185.
4. Новый Завет: Евангелие от Луки // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – СПб., 2008. – С. 36 – 38.
5. Филиппов А. Ф. К предыстории «Политической теологии» [Электронный ресурс] / А. Ф. Филиппов // Гефтер: Интернет-журнал. – URL: <http://gefter.ru/archive/14981> (дата обращения: 05.04.2019).
6. Royce M. The Political Theology of European Integration Comparing the Influence of Religious Histories on European Policies. *Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy* / M. Royce. – London: Palgrave Macmillan, 2017 – 310 p.

**ПОВОЛЖСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РАМКАХ РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОГО ЭТНОСА X–XIII ВВ.:
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ**

А. А. Горин
Е. А. Сафиуллина

*Кандидат исторических наук,
магистр,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. In this article, the authors consider the role of Islam in the ethnogenesis of the Volga part of the Bulgarian ethnic group. The authors consider religion as a factor in the formation of a new civilization through the change of spiritual and social priorities of the «Bulgarian community» of the Volga region. The authors pay special attention to the change in the thanatology of the Volga Bulgarians as a mechanism for changing the worldview and perception of the world.

Keywords: Bulgarian ethnos; theology; religion; Islam, thanatology, Bulgarian civilization, Volga Bulgaria, history, archaeology.

Одним из основных вопросов в эпоху глобализации, становится сохранение этнокультурной идентичности представителей народов Центральной и Восточной Европы. Наиболее серьезного внимания заслуживают народы, расселившиеся на значительной территории, различные части которых формируют свою этнокультурную идентичность, исходя из местных условий, не теряя при этом общности с другими частями своего этноса. Одним из таких этносов стал – болгарский. К настоящему времени болгарский этнос в силу исторически сложившихся причин, утратил своё единство. Вместе с тем, суммируя исследования в области истории, археологии, этнологии, можно проследить в исторической ретроспективе развитие отдельных частей болгарского этноса в рамках двух моделей развития этнокультурной идентичности: Поволжской и Восточно-Средиземноморской.

В данной статье авторы поднимают вопрос об особенностях формирования этнокультурной идентичности отдельной части болгарского (булгарского) этноса в Среднем Поволжье. Безусловно, одним из основных различий двух моделей этнокультурной самоидентификации болгарского (булгарского) этноса, становится их религиозный базис. Исследователи, оценивая значение данного базиса, в значительной степени согласны с концепцией, сформулированной доктором социологических наук В. Ф. Ануриным, утверждающего, что *«религия – христианство, иудаизм или ислам – скорее всего, стала тем стержнем, вокруг которого сформировались все современные этносы»* [1, с. 135]. Несогласие авторов статьи с утверждением В. Ф. Анурина заключается лишь в том, что они не ограни-

чивают спектр религиозных вероучений, ставших цивилизационными базами лишь авраамическими религиями.

Тем не менее, в отношении болгарского этноса, утверждение профессора Анурина справедливо: в обеих моделях формирования его этнокультурной идентичности в религиозном базисе лежат авраамические вероучения. В Восточно-Средиземноморской модели – Православие, в Поволжской модели – Ислам.

Прежде чем говорить о развитии Поволжской ветви болгарского этноса, необходимо отметить, что вопрос исследования этногенеза поволжских болгар прошёл ряд этапов, принципиально отличающихся друг от друга.

Так в советское время, при том, что в советской исторической науке не отрицалось, а частью исследователей и прямо отстаивалась версия исторической преемственности между болгарским этносом и татарским этносом, существующим в настоящее время (С. П. Толстов, А. П. Смирнов и др.) [8, с. 4], главенствовала теория «собирательного» характера этнонима «булгары» (считая, что под названием «булгары» подразумевалось сообщество из представителей разных этнических групп, объединённых исключительно политической системой [4, с. 14]) и отведение результатам археологических исследований вспомогательная роли (вследствие недооценки эвристического потенциала археологии). Например, А. П. Смирнов отвергал возможность идентификации «булгарской археологической культуры», исключительно из-за отсутствия должной систематизации результатов археологических исследований, что легко прослеживается по ряду его работ, например, статье «К вопросу об археологической культуре» [9, с. 4–9].

На качественно новый уровень исследования этногенеза болгарского народа вывели труды А. Х. Халикова. Именно Альфред Хасанович Халиков одним из первых привёл доказательства наличия у «булгарской народности» двух из элементов «гумилёвской тройки» (единства исторически сложившейся территории проживания, общего языка), а также – общности их образа ведения хозяйства, элементов культуры и выдвинул гипотезу об общности антропологического типа [10, с. 110–111].

А. Х. Халиков придерживался мнения, что основные этнокультурные особенности болгарско-татарского народа сформировались в период с X–XIII вв. То есть – в эпоху исламизации Волжской Булгарии [4, с. 20].

Ряд историков пытается доказать, что Волжская Булгария, как государство и как социум, восприняли ислам в качестве составной части этнокультурной идентичности ещё от представителей Хазарского каганата в VIII веке, однако археологические, нумизматические, а также – письменные источники говорят об ином. Конкретной датой принятия ислама, как государственной религии Волжской Булгарии, считается 21 мая 922 года (по современному календарю). Однако существует обширный спектр сви-

детельств того, что к тому моменту ислам ещё не являлся неотъемлемой частью болгарской этнокультурной идентичностью.

Основным письменным источником, на который опираются историки при описании процесса принятия Волжской Булгарией ислама, как государственной религии, остаётся до сегодняшнего дня «Записка» о путешествии на Волгу, авторство которой приписывается Ахмаду ибн Фадлану ибн аль-Аббасу ибн Рашиду аль-Багдади. Интересно, что Ахмад ибн Фадлан упорно называет в своей «Записке» о путешествии на Волгу болгарского правителя Алмуша (Алмаса) «царём славян». Также ин Фадлан упоминает, что в ходе публичного прочтения писем халифа Аль-Муктадира и послом Сусаном ар-Раси (клиентом посредника в переговорах Надира аль-Хурами) с подарками халифа были произведены публичные манипуляции, напоминающие языческое культовое действие: «...во время чтения письма Надира аль-Хурами он [Алмуш – прим. авт.] сидел. Когда же я окончил его (письмо), его спутники рассыпали на него (царя) многочисленные дирхемы...» [3, с. 67].

Предполагать, что сотрудник официального посольства халифа Багдадского мог не иметь исчерпывающей информации о народе, который ему поручено включить в религиозно-правовое поле Мирового Ислама, крайне затруднительно: культурные и торговые связи между Средним Поволжьем и мусульманскими государствами в это время уже были в достаточной мере развиты. Скорее имеет смысл предположить, что этнокультурная идентичность болгарского этноса на территории Среднего Поволжья на тот момент находилась в стадии формирования.

Так А. А. Молчанов, рассматривая нумизматические памятники Волжской Булгарии, достаточно точно определяет время, когда болгарское государство переходит к использованию религиозной догматики ислама, как инструмента формирования политико-культурной идентичности. «*Денежные эмиссии, осуществлявшиеся эмирами Волжской Булгарии уже с начала X в., следовали обычному стандарту куфического серебра того времени. При этом болгарские эмиры, сделавшись правоверными мусульманами, заявляли о себе в традиционно оформленных арабских монетных легендах и тем самым выступали как полноправные владельцы высокого ранга в иерархии исламского мира. Серебряные дирхемы саманидского типа первым из них отчеканил между 902 и 907 гг. Алмуш, незадолго до того принявший ислам под именем Джа`фар ибн `Абдаллах» [7, с. 110].*

Датировка принятия официального ислама эльтебером болгарского государства Поволжья Алмушем сыном Шилки, а также – рядом представителей аристократических родов Волжской Булгарии подробно описана Ахмедом ибн Фадланом [3, с. 65–70]. Однако ибн Фадлан оговаривается, что хоть ислам и был установлен, как государственная религия Волжской Булгарии, речь не идёт о единовременном изменении этнокультурной идентичности болгарского этноса. Скорее официальное признание ислама

государственной религией стало закономерным этапом её формирования, связанного с трансформацией мировоззрения.

Вопрос о принятии ислама в качестве цивилизационно-образующего элемента этнокультурной идентичности прежде всего связан с необходимостью изменения мировоззрения даже не аристократии булгар, но всего этноса. Во многом истоки изменения мировоззрения лежат в концепции религиозной танатологии ислама.

К сожалению, языческие верования Волжской Булгарии доисламского периода развивались в эпоху дописьменного периода и сегодня наука не располагает подробными описаниями ни сакральной части их ритуалов, ни подробным описанием танатологической составляющей данных верований. Однако танатологические представления мусульман подробно описаны в Коране. Как правило, большинство языческих верований данного региона, описание которых дошло до наших дней, ориентированы на систему приоритетов, опирающихся на приоритеты материальной жизни одного конкретного человека. Танатология же Ислама (как и других авраамических религий) предполагает принципиально иную систему приоритетов. В первую очередь, жизнь человека рассматривается лишь как подготовительный этап к посмертному вечному существованию в соответствии с тем, как человек провёл свою материальную жизнь (сура «Аль-Анбия», аят 35). Более того, благочестивые деяния рассматриваются, как одна из форм результата жизненного пути, которая приносит пользу душе даже после телесной смерти (достоверный хадис от Муслима).

Таким образом, приоритеты в жизни индивида в мусульманском обществе иные, нежели в языческом. Во-первых, подчинены интересам не столько индивида и даже уммы, сколько интересам достижения единой сверхцели мусульман. Во-вторых, индивид способен осмыслить и принять своё участие и приложение сил для достижения цели, путь достижения которой займёт больше времени, чем продолжительность его жизни. То есть – трудиться на перспективу для будущего благополучия своей уммы и своих потомков, наличие которых также является деянием, приносящим пользу индивиду даже после его физической смерти.

Таким образом, ислам становится консолидирующим фактором для болгарского этноса Среднего Поволжья, а также – формирует передовую для данного региона культуру, ориентированную на перспективное развитие.

Однако принятие ислама 21 мая 922 года становится только одной из отправных точек, не начинающей и не заканчивающей формирование монотеистической религиозной составляющей болгарской этнокультурной идентичности. Ещё исследователь XIX века Шпилевский С. М. отмечал в своих работах неравномерность распространения ислама на территории Волжской Булгарии домонгольского периода: *«...В западной части Казанской губернии памятников древности гораздо менее, чем в восточной. Причина этому понятна... на востоке губернии было господство ислама и*

мусульманской культуры, на западе господствовало шаманство и обитали племена, в культурном развитии значительно уступавшие мусульманам...» [13, с. 508].

К тому же выводу приходит И. Л. Измайлов, который констатирует, что среди археологов исторически сложились два мнения о датировке периода распространения ислама в Волжской Булгарии: «советская» и более поздняя. Согласно версии советской археологической школы, ислам в Волжской Булгарии длительное время оставался религией аристократии и его центры были сосредоточены в городах. Согласно версии, сформированной в постсоветское время, ислам получил широкое распространение на территории Волжской Булгарии ещё к концу X века [5, с. 36].

Однако уже в 80-х годах исследование как болгарских некрополей, так и остатков болгарских городов описываемого периода показывает принципиально иную картину. Например, согласно археологическим данным, приведённым в работе «Время и пространство болгарской цивилизации», подготовленной под редакцией доктора наук профессора Р. С. Хакимова, отмечается, что мусульманские традиции также систематически прослеживаются и в градостроительной культуре Волжской Булгарии, например, по результатам раскопок Болгарского и Билярского городища, заимствование градостроительной архитектуры наблюдаются при раскопках руин Суvara и городища Хулаш [2, с. 287–289]. Однако при этом, исследовательница более двух десятков болгарских некрополей указанного времени, Е. А. Халикова констатирует: по результатам исследования похоронных обрядов можно с уверенностью сказать, что широкое распространение ислама на территории Волжской Булгарии начинается в конце IX–I половине X века. К середине X века распространение мусульманского погребального обряда охватило большинство населения городов, а к началу XI века - и остальной территории Волжской Булгарии [11, с. 136–154].

Таким образом, можно констатировать, что к рубежу X–XI болгарский этнос Среднего Поволжья уже подходит с принятием ислама, как неотъемлемой части своей этнокультурной идентичности, и что период с IX по X век, это, на данном этапе, период окончательного формирования болгарской этнокультурной идентичности в данном регионе. К тому же выводу пришёл А. Х. Халиков, который в своих работах прямо заявлял о формировании единого самосознания болгарского этноса к указанному периоду, апеллируя к источникам иных народов, констатировавших формирование единой «болгарской» общности в Поволжье [10, с. 104–105].

Даже учитывая наличие в составе населения Волжской Булгарии представителей иных этнических групп (славян, финно-угров и др.) [12, с. 46], нужно признать, что в указанный период болгарская этнокультурная общность уже достигла стадии устойчивого социального феномена, что во многом объясняется социально и идеологически-консолидирующим потенциалом ислама, как неотъемлемой части этнокультурной идентичности поволжской ветви болгарского этноса, а также – источника качественно –

иного массового мировоззрения диктующего принципиально иные принципы постановки приоритетов индивида в рамках его деятельности как в социуме, так и в личной жизни.

Библиографический список

1. Анурин В. Ф. Религия, как фактор социальной интеграции//Социологические исследования - 2013. - №1. - с. 135-146.
2. Время и пространство болгарской цивилизации (под ред. Р. С. Хакимова), - Москва-Казань: Изд-во «Феория», 2012. - 472с.
3. Ибн-Фадлан Ахмед - «Записка» о путешествии на Волгу. - М.: Издательство АН СССР, 1939. - 193 с.
4. Измайлов И. Л. Булгарский этнос в трудах А. Х. Халикова: научная концепция и её теоретические обоснования. - 2014. - №2. - с. 11-36.
5. Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности. // История и современность. - 2011. - №2. - с. 34-51.
6. Коран (пер. Э. Кулиева). - М.: Эксмо. УММА, 2016. - 806 с.
7. Молчанов А. А. Экономические контакты и монетная чеканка в Восточной Европе X - начала XI в.// Экономические контакты и монетная чеканка в Восточной Европе X - начала XI в.// XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14-16 апреля 1999 г. Материалы к конференции. - М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. С.110-113
8. Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар.// Происхождение казанских татар. - Казань : Татарское книжное издательство, 1948. - с. 4-22.
9. Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре// Советская археология - 1964. -№ 4. - с. 3- 10.
10. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань: Татарское книжное издательство, 1989. - 222с.
11. Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII в. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986. - 159 с.
12. Хузин Ф. Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X - начало XIII веков). - Казань: Мастер Лайн, 1997. - 182 с.
13. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Императорского Казанского Университета, 1877. - 604 с.

III. HISTORY AND MODERN TIMES OF ECCLESIASTICAL ART

MUSIC IN THE BIBLES

G. Matushanskaya

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
postgraduate student,
Kazan Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

V. Maximov

Summary. Music in the Bible is one of relevant and interesting topics of research. Esthetic norms change over time, but the fact of use of music in church service remains. Music was used in the Jerusalem Temple. Psalms of king David were sung with music. The tradition of use of music in religious service has remained up to now. Use of musical instruments is especially widespread in Protestant churches. Also in Protestant churches folk motives are used (both European, and, for example, African). Free use of melodies and rhythms of the world around is obtained from the Bible (the Old Testament). This article is devoted to interrelation of the biblical music and church music during Modern times. As a result of our researches we have come to conclusion that use of instrumental and folk music in Protestant church service has Old Testament roots. Both in past and today music helps people to come to condition of awe of God. Religions of the past willingly used music for these purposes. Music was used in the Jerusalem Temple with singing psalms, king David even danced before God. In Protestant churches musical instruments are used as well as in the ancient time. Use of musical styles and instruments in these churches has no restrictions. It is true also for the use of modern and folk music.

Keywords: The Bible; the Jerusalem Temple; church service; church; music.

Introduction

The Bible is the book which has become a world outlook basis of Judeo-Christian civilization. The text of the Bible sets the norms and rules regulating life in society. The esthetics, including music, plays an important role in human culture. Music touches the emotions of a person, tunes him or her to a certain harmony. It is not accidentally that music is used in religious services from time immemorial. In the Bible there are also mentions both of playing musical instruments and singing. Music was used in the Temple. In spite of the fact that in the New Testament there are practically no mentions of instrumental music, in Christian culture it finds wide application. In Orthodox Church choral singing and bells are used, in Catholic Church organ and choral singing and also bell-ringing are used. The heyday of instrumental music can be observed in Protestant church service, where both anthems and music in Gospel style are used, including folk motives. Protestants look for sources of this practice in the Bible, namely in the Old Testament.

Music in the Old Testament

The Old Testament as a cultural source has an advantage before antique world histories. It is its temporary depth (Anderson, 2017), expressed in two aspects. It is the aspect of temporary extent, firstly, of the events described in it, and secondly of formation of the Old Testament case: from the 12th century BC (which is dated by "The Song by Devora") to the middle of the 2nd century BC (when the book by Daniel was formed) (Müller, 1966; Mayes, 1969; Garbini, 1978; Craigie, 1978). The very first mention of music in the text of the Bible, namely about emergence of the first musical instruments and the people playing on them is in the book of Genesis (Gen.4). When the mankind, namely Adam and Eve, had been expelled from the Garden of Eden and having found themselves in other conditions gradually mastered agriculture, cattle breeding, various crafts (production of instruments of labor), along with other inventions the first musical instruments appeared: "And his brother's name was Jubal: he was the father of all such as handle the harp and organ" (Gen. 4:21).

According to J. Bartlett, Josephus Flavius and Philo of Alexandria describe Abraham as a stoic converted to monotheism (Bartlett, 1996, 84–85). Therefore Philo considered Abraham as the person who had discredited astral determinism and through contemplation of harmony of the Universe had reached faith in existence of the transcendental Founder, God the Creator. Having opened it, Abraham seized being the astrologer (Philo, *De Abrahamo*, XV, 70). In turn, Josephus attributes to Abraham the denial of a postulate of divinity of the Universe based on lack of harmony in the world (Josephus, *Ant. Jud.* I, 7, 1). So, according to Hellenistic Jewish thinkers, the main proof of existence or absence of God in the world is the harmony.

R E. Wilson-Dixon, in his research "History of Christian Music" (Wilson-Dixon, 1997, 18), cites as an example one episode which had happened in Arabian Desert during his visit of the tribe of bedouins. Before starting on a long way, bedouins began to exclaim loudly and to sing something that reminded some anthem. Characteristic shouts of bedouins are the established formulas, different for each tribe, perhaps, somehow connected with such biblical phrases as "because the Lord hath sworn" (Ex. 17:16). The Ark of the Covenant, most likely, began and finished its travel accompanied by musical exclamations of such kind, imprinted in the book of Numbers: "And it came to pass, when the ark set forward, that Moses said, Rise up, Lord, and let thine enemies be scattered; and let them that hate thee flee before thee" (Num. 10:35).

Several songs of the early period are described in detail in one of books of the Old Testament. They are two songs called "Moses's song" (Ex. 15) and "song of Miriam" (Ex. 15). These two songs are praise of the Lord for marvelous deliverance from the Egyptian Pharaoh pursuing Israel who had left Egypt recently. The first song belongs to Moses and it begins: "Then sang Moses and the children of Israel this song unto the Lord, and spake, saying, I will sing unto the LORD, for he hath triumphed gloriously: the horse and his rider hath he thrown into the sea". The second song belongs to a woman, a prophetess, Aa-

ron's sister: "And Miriam the prophetess, the sister of Aaron, took a timbrel in her hand; and all the women went out after her with timbrels and with dances. And Miriam answered them, Sing ye to the Lord, for he hath triumphed gloriously; the horse and his rider hath he thrown into the sea". It is interesting that two details accompanying the song are mentioned, it is "timbrel" (tambourine), the kind of percussion instrument providing rhythmic function, and «dance» which means the exclamations which are followed by the movement of body. This makes the impression of emotional, expressive and noisy action which is followed by music and common dances. Short lines and plain text point to multiple repetitions and, most likely, to the simple lines of melodies which are based on several notes. All this reminds the usual song with couplets and refrain. Besides, in combination with simple and constantly repeating rhythm, this music could lead to ecstatic feelings. In tradition of folk music of the Middle East singing was always followed and is followed by accompaniment on musical instruments. This idea is suggested by the names in Hebrew of two families of musical instruments which are found in books of Chronicles and Kings: kleshir (it is translated as "lira") means «the instrument for singing», and isharim (it is translated as "harp") means "for singing". The instruments which are nowadays designated as harp and lira are often mentioned in the books telling about the settlement of Jews in the Holy Land (Wilson-Dixon, 1997, 19).

As it is peculiar to many ancient cultures, music in Israel accompanied all spheres of activity of the people, such as beginning or end of the harvest, joy and grief, victories and defeats in wars. The history of ancient Jews is full of such events (Selves, 2017). Researches (Ackerman, 1975; Weinfeld, 1984) show steady prevalence in the Middle East of archaic teologema of war on the part of deities which is perceived as a ritual action with carefully developed instructions. It includes ritual purification of soldiers, participation of priests, application of banners and signals, the prayer to gods for help, direct participation or presence of gods at war, cosmic elements, the victory won by means of gods and dedication of spoils of war to gods. Songs which were sung during the military events, whether of victories or of defeats, are mentioned in some books of the Old Testament. One of striking examples of this is a fragment which is written down in the 1st book of Samuel where women sang a welcome song to David after he had won a victory over philistines: "And it came to pass as they came, when David was returned from the slaughter of the Philistine, that the women came out of all cities of Israel, singing and dancing, to meet king Saul, with tabrets, with joy, and with instruments of music. And the women answered one another as they played, and said, Saul hath slain his thousands, and David his ten thousands" (1Sam.18:6,7). In this episode we can see again that a variety of musical instruments, percussion instruments, existence of dances and general triumph created a saturated emotional atmosphere bringing the people to condition of unification that is an important factor for formation of religious and national consciousness.

Along with the first mentions of music and musical instruments and their role in everyday life of ancient Jews, the place and role of music as of an important and integral component being a part of religious process of worship are considered in the Old Testament in detail. In the book of 1st Chronicles, in the 15th chapter, the arrival of the Ark of the Covenant to Jerusalem in the beginning of reign of king David is described (1 Chr. 15). Here for the first time we can see the mention of estate of professionally trained musicians called directly to conduct services and to make religious rites. This was the essence of service of Levites at the Tabernacle, and later at the Temple. In this fragment it is said that during the movement of the Ark different types of musical instruments and singing had been used: “ And David spake to the chief of the Levites to appoint their brethren to be the singers with instruments of music, psalteries and harps and cymbals, sounding, by lifting up the voice with joy” (1 Chr. 15:16).

Culture in its initial phases was dramatized. The Covenant between Israel and their God at Mount Sinai was dramatized in ancient Israel on the holiday of Shavuot, as on the holiday of Pesach they dramatized the Exodus, and in Sukkot they modeled tents in which the Jews lived in the desert. All these dramatized events mark getting out from Egyptian slavery to the Promised Land and freedom. Those were the holidays in which Israelis, at least during the era of the Second Temple, came to the Temple to worship God. The Temple was built by king Solomon. Thanks to him Jerusalem was finally approved in consciousness of Jews as the city elected by God, the national and religious center of the integrated kingdom. The Temple was built on the Mount Zion, on the place which David had bought from Ornan the Jebusite and where he had created an altar to God of Israel (2 Chr. 3:1). The construction of the Temple by means of Phoenician masters had begun on the fourth year of government of Solomon (1 Kings 5:22-25) and ended on the eleventh year (1 Kings 6:37-38). We know from Solomon's prayer about the value of the Temple and about its place in national consciousness of Israelis (1 Kings 8). In this prayer the value of the Temple is emphasized in three various areas: religious, national and universal. Besides the mention of religious, national and universal value of the Temple, Solomon emphasizes in his prayer a triple connection between God's election of Jerusalem, the Temple and David's dynasty. “And he said, Blessed be the Lord God of Israel, which spake with his mouth unto David my father, and hath with his hand fulfilled it” (1 Kings 8:15, 20).

Solomon didn't liquidate altars in other places of the country, however at the same time he considered the Jerusalem Temple as “the house of election”, the place of presence of the only God forever devoted to Him. He has transferred the Ark of the Covenant to the Temple (1 Kings 8:6). According to the Bible, the Ark had been placed in Moses's Tabernacle and then in the First Temple. It had been made of acacia and revetted with gold. The cherubs turned by their faces to each other were located on its cover. In the Ark the tables with Ten Commandments were kept, therefore it was the most important shrine of the First Temple. Since the ark became not portable from that time, it was not taken

to war anymore. Its sanctity is united with sanctity of the Temple, and together they embody sanctity of the place. From the Inner Sanctum where the Ark was located the sanctity irradiate to Jerusalem and all the earth (Ps. 14:1; 23:3; 45:5; Is. 31:4; 48:2 etc.). Mount Zion on which the Temple is built is the Center of the World. Services in the Temple consisted of propitious and expiatory rituals performed on behalf of all community. In spite of the fact that another temple existed in Samaria on the Mount Garizim, the Jerusalem Temple was considered by the Jews as an only legitimate temple for the people of Israel. After the Temple had been built, the service became more majestic and solemn. The ceremony of dedication of the Temple, the beginning of the first service and importance and place given to musical part of it are described in the Bible very bright and in detail. It can be seen from this fragment of the 2nd book of Chronicles: "Also the Levites which were the singers, all of them of Asaph, of Heman, of Jeduthun, with their sons and their brethren, being arrayed in white linen, having cymbals and psalteries and harps, stood at the east end of the altar, and with them an hundred and twenty priests sounding with trumpets. It came even to pass, as the trumpeters and singers were as one, to make one sound to be heard in praising and thanking the Lord; and when they lifted up their voice with the trumpets and cymbals and instruments of music, and praised the Lord, saying, For he is good; for his mercy endureth for ever: that then the house was filled with a cloud, even the house of the Lord..." (1 Chr. 5:12-13).

Psalms and the Temple service

Speaking about the Bible basis of use of music in a church service it is important to mention such musical temple form as psalms. The whole book of the Bible which is called "Psalms" is devoted to it. It is the collection consisting of hundred fifty psalms. It includes psalms of David, the king of Israel, Asaph's psalms, and psalms of sons of Korah which indicate their belonging to a certain heredity of musical estate, and also of other psalms authors which aren't known. And still king David is considered as the main author. Sacrality of the imperial power is especially emphasized in the Bible in connection with the dynasty of David. The formula met in the Old Testament "Thou (David) art my Son; this day have I begotten thee" (Ps. 2:7; 89:27-28) shows that idea of king's being God-born was reflected in the Old Testament model of the world, however it extends only to David and Solomon. Nobody else from the dynasty of David was not considered by the Old Testament as a son of God. The idea of king's being God-born in other social and ideological environment eventually became the "divine adoption" used for expression of a bigger attachment of the founder of the dynasty David and the builder of the Temple Solomon to sacrality which other carriers of the king's power didn't possess or possessed in small degree. Even Solomon's being God-born is conditional in the Bible as it expresses rather God's election (that occurs in the text of the Bible quite often) (Mettinger, 1976, 129).

Psalms weren't the only texts used in the Temple, however they took the main place in the service. Many names of psalms show that singing of Levites was followed by accompaniment, generally on string and plucked tools as it was told

above. In their form psalms represented an antiphon (dialogue in which the question is asked and the answer sounds). Parallelisms which were characteristic of Judaic poetry defined a melody, set musical equivalents, for example, in the Psalm 119: "I prevented the dawning of the morning, and cried: I hoped in thy word. Mine eyes prevent the night watches, that I might meditate in thy word" (Ps. 119: 147-148). The name of motives, preceding some psalms, most likely symbolized couple of plain melodic schemes, one for the first hemistich, another for the second one (reminding the Gregorian choral). The Gregorian choral, the Anglican anthem or later pieces of music by Joseph Gelineau are conformable to the originals sung in Hebrew (Wilson-Dixon, 1997, 23), though exact musical sounding of ancient psalms will forever remain a subject of disputes and discussions.

Music in Judaic Apocryphas and the Talmud

In the Book of Wisdom of Sirach (about 200 BC) there is a rich description of the Temple service made on the great Jewish holiday, the Day of Atonement (Yom-Kipur). The major compositions which aren't included in the biblical canon were always attributed to the famous characters of the Bible that was intended to give them an authority and attract wide audience. For example, the Book by Enoch, the Fourth book by Ezra, "Will of twelve patriarchs", Solomon's Psalms. According to A. Bertolet's researches (Bertolet, 1896, 231), the Jews before the 1st century AD were under strong influence of the Hellenistic culture. At that time in the Jewish culture there were two tendencies, to hellinization and to national and religious isolation. A. Bertolet mentioned two fighting groups of Jews, the prophetic universalistic Jewry and the priestly and particularistic Jewry (Bertolet, 1896, 198).

The parallel description of this event can be also seen in the Talmud. In this book there is a description of everyday ceremony of sacrifice: "And (Simon the priest) had stretched forth his hand for the cup, to offer blood of the grape, and poured it out at the foot of the altar, a sweet-smelling odor to the Most High God, the sons of Aaron would sound a blast, the priests, on their trumpets of beaten metal; a blast to resound mightily as a reminder before the Most High. Then all the people with one accord would quickly fall prostrate to the ground in adoration before the Most High, before the Holy One of Israel. Then hymns would re-echo, and over the throng sweet strains of praise resound. All the people of the land would shout for joy, praying to the Merciful One, as the high priest completed the services at the altar by presenting to God the sacrifice due; then coming down he would raise his hands over all the congregation of Israel" (Sir. 50:15-20). E. Wilson-Dixon, commenting on the same place from the Talmud, writes that there were at least twelve people at chorus, also it was complemented with a chorus of boys to add «sweet sound». Nine or more liras ("kinnor") were used as the accompanying instruments, kitara ("nebel" is often translated as "harp"), from two to eleven wind instruments made from wood and cymbal ("mezaltaim"). Wind instruments (often mentioned in the translations as flutes) represented the dual reed instruments reminding auloses represented in the Greek iconography (Wilson-Dickson, 1997, 21).

The outlook of representatives of Qumran community was generally similar to ideas of the world of most of the Jews of the era of Hellenism (Babkina, 2000, 14). According to S. Babkina, Qumranites realized themselves in «border area» between this world which is coming to an end with arrival of the Messiah and Olam Haba, the future world. The manuscripts found in Qumran describe the music and musical instruments of that time applied in Temple services very similarly to the Bible texts: “I have uplifted the bitter complaint and have adjusted the harp on a plaintive harmony ... But suddenly I have felt that there is no more sorrow, capable to fill me with pain. Then my harp has played rescue music, and my lira – a joy melody; I have played on a flute ... never-ending praise” (Is.16:11). According to S. Bayerle, Judaic Apocalypica of the era of the II Temple was an essential contribution to development of the Bible theology as it takes into account texts from the outside of the Old and New Testament (Beyerle, 2010).

Psychological and ethical influence of music

In the 1st book of Kings a case is described which is an example of impact of music on a person and its abilities to affect his state: “But the Spirit of the LORD departed from Saul, and an evil spirit from the Lord troubled him. And Saul's servants said unto him, Behold now, an evil spirit from God troubleth thee. Let our lord now command thy servants, which are before thee, to seek out a man, who is a cunning player on an harp: and it shall come to pass, when the evil spirit from God is upon thee, that he shall play with his hand, and thou shalt be well. And Saul said unto his servants, Provide me now a man that can play well, and bring him to me. Then answered one of the servants, and said, Behold, I have seen a son of Jesse the Bethlehemite, that is cunning in playing, and a mighty valiant man, and a man of war, and prudent in matters, and a comely person, and the LORD is with him. Wherefore Saul sent messengers unto Jesse, and said, Send me David thy son, which is with the sheep. And Jesse took an ass laden with bread, and a bottle of wine, and a kid, and sent them by David his son unto Saul. And David came to Saul, and stood before him: and he loved him greatly; and he became his armourbearer. And Saul sent to Jesse, saying, Let David, I pray thee, stand before me; for he hath found favour in my sight. And it came to pass, when the evil spirit from God was upon Saul, that David took an harp, and played with his hand: so Saul was refreshed, and was well, and the evil spirit departed from him” (1Kings 16:14-23). In this biblical scene the main thought is traced about the fact that music has ability to overcome any obstacles quickly and to influence soul of a person even when all other methods are powerless.

The phenomenon of impact of music on a person always attracted interest of people throughout all history, from philosophers to creative persons. Plato and Aristotle considered music as the major lever on the moral world of a person, as a means of cure and education of characters, of creation of a certain psychological mood of the personality, of the ethos. The melody contains some movements, these movements are active, and these actions are signs of ethical

properties. Music is capable to make a certain impact on ethical aspect of soul. A psychological component of the musical phenomenon should be noted. The mathematician, the physicist and the theorist of music A. Kirker in his work "Musurgia universalis" (1650) focused the attention to thought that music has deep psychological impact on a person, having given it such definition as "magic" or "magnetism" (Khlopova, 2018). It is important to mention here the existence of such scientific discipline as musical psychology which researches laws and principles of perception of music and its influence on multiple aspects of human personality from the point of view of psychology.

Along with all above-mentioned properties of music, such as ability to overcome any obstacles and to influence soul of a person, to form his or her ethical component and moral world, to influence feelings and emotions, music has one more property – symbolical character, that is ability to bear in itself the idea which is more significant than music itself. The early Christian authors considered that music samples (other arts too) as a part of the majestic symphony of order. In the 2nd century AD Clement of Alexandria wrote that the Divine song of creation had organized the Universe in conformity and had united separate elements in harmonious compliance so that all space became harmonious (Clement of Alexandria, Protrepticus 1:1-3).

Music in Protestant church service

The understanding that music possesses a mystic force and is capable to transfer the nature of Divine reality was the important factor caused the fact that it became an integral part of Christian church service. In traditional faiths, such as Catholicism and Orthodoxy, the Mass and the Liturgy are followed by choral singing, and in Protestantism even more value is given to the role of music in church service. M. Luther has kept the Mass almost in the same form as it existed in Catholicism, having left only time of Sunday Masses and vespers taking into account that it is possible either to reduce them or to increase, introducing to it a new element – a congregational chant. Along with it M. Luther considered music as an active means for formation of a spiritual person. He wrote: "My perfect belief, and I am not afraid to claim it that after theology there is no such art which could equal with music because after theology only she one creates that one theology causes, namely, tranquility and a clear condition of spirit" (Dronov, 2018).

According to requirements of Protestantism, Luther sought to raise the role of music in the reformed ceremony of church service, so "The German Mass" or "The Protestant choral" were created, where the simple songs clear to ordinary people were used in native German (Latin also was sometimes used for the purpose that the youth would study the Latin Grammar). These chants didn't concede the sermon in force of their influence and promoted effective and fast distribution of the Reformation in Germany and across Europe. Besides, during the Reformation theaters appeared, both in the streets and in educational institutions. They played plays on biblical themes where music was used (Salvarani, 2018). So, the fact that music, as well as sermon, became available and clear for

parishioners and it was given an important role and place in church service was one of factors of fast distribution of Protestantism in Germany.

Later music, certainly, began to take definitely important place in practice of church services of Protestant communities which developed in emergence of new denominations. Then with development of culture (in particular, musical culture) and arts in society it began to get into Protestant churches more deeply. In the 20th century process of division of Protestantism into new denominations and movements amplified, along with the traditional Protestant denominations which have already become at that time such as Lutheranism, Anglicanism, Methodism, Baptism etc., pentecostals appeared, and in the second half of the 20th century the charismatic movement (neopentecostalism) was started. The new round of application of music in practice of church services was introduced by so-called «black churches», the communities in America which consisted of the Afro-Americans. Their original culture originating in their historical homeland brought a new character into the music accompanying church service: expressivity, emotionality, the movement and dynamics. Such chants as “spirituals” were included into church practice. These chants of the Afro-Americans are important genre of their musical folklore. It is also important to tell about such phenomenon as “gospel”, a direction in music which originates from “black” Methodist churches of the southern states of America in the 18th century. This style of church service was a repetition of syllables, words and phrases. It was caused by the fact that the Afro-Americans who used this music and songs at their meetings in majority were illiterate and therefore couldn't read all texts necessary for singing. Both «spirituals» and “gospel” are those directions in music which have received their birth in bosom of Protestant church of America. The African music has affected Protestant musical culture not only in America, but also in South Africa (Ludemann, 2017), what also is in context of the general biblical tendency to use folk music in religious service.

Resume

As a result of our researches we have come to conclusion that use of instrumental and folk music in Protestant church service has Old Testament roots. Both in past and today music helps people to come to condition of awe of God. Religions of the past willingly used music for these purposes. Music was used in the Jerusalem Temple with singing psalms, king David even danced before God. In Protestant churches musical instruments are used as well as in the ancient time. Use of musical styles and instruments in these churches has no restrictions. It is true also for the use of modern and folk music.

Bibliography

1. Ackerman, J.S. (1975). Prophecy and Warfare in Early Israel: Study of the Deborah - Barak Story. *In Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. New Haven, 5-13.
2. Anderson, J.S. (2017). El, Yahweh, and Elohim: The Evolution of God in Israel and its Theological Implications, *In Expository Time*, 128 (6), 261-267.
3. Babkina, S. (2000). Representation of time in the Qumran community. *In Tirosh*, IV, 13-22.
4. Bartlett, J. (1996). *Jews in Hellenistic World*. NY., 219 p.

5. Bertolet, A. (1896). *Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Frieden*. Berlin, 450 p.
6. Beyerle, S. (2010). Apokalyptik und Biblische Theologie. In *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*, 52(3), 232-246.
7. Craigie, P. C. (1978). Deborah and Anat: The Study of Poetic Imagery. In *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*, 90, 374-381.
8. Dronov, I. (2018). *Reformers ' views on the nature of the Church*. Available at: <http://mykonspekts.ru/2-142847.html>, (Accessed 11 April 2018).
9. Garbini, G. (1978). Il cantico di Debora. In *La parola del passato*, Napoli, 33. 5-31.
10. Khlopova V. (2018). *The Phenomenon of music*. Available at: http://www.bookland.com/download/f/fe/phenomen_muzyki/sample.epub (Accessed 10 April 2018).
11. Ludemann, W. (2017). Afrikaans and Music. Notes from the Sidelie, In *Tydskrif vir Geesterwetenskappe*, 57, 581-595.
12. Mayes, A. D. H. (1969). The Historical Content of the Battle against Sisera. In *Vetus Testamentum*, 19, 335-360.
13. Mettinger, T.N.D. (1976). *King and Messiah. The Civil and Sacral Legitimation of the Israelite King*, Lung, 342 p.
14. Müller, H.-P. (1966). Aufbau des Deboraliedes. In *Vetus Testamentum*, 16, 446-459.
15. Salvarani, L. (2018). In flesh and bone: bodily image and educational patterns in early Reformation theatre. In *Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education*, 54 (1-2), P. 85-95.
16. Selves, S. (2017). The Bible in Jewish-Christian Dialogue: A Jewish Perspective. In *The Expository Times*, 128 (6), 268-275.
17. Weinfeld, M. (1984). Divine Intervention in War in Ancient Israel and in the Ancient Near East. In *History, Historiography and Interpretation*. Leiden, 121-147.
18. Wilson-Dixon, E. (1997) *A brief history of Christian music*. Oxford, 428 p.

IV. MISSIONARY ACTIVITIES IN PAST AND PRESENT

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ ВЕНИАМИНОВА В АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВЫХ ИЗДАНИЙ НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Е. С. Руфова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. This article is devoted to the problem of the influence of Christian culture on the emergence of Yakut literature. As a result of the study, it can be argued that the spread of Christianity in the Yakutsk region as part of the state domestic policy of Russia, as well as in other regions, had a beneficial effect on the distribution of literacy among the population, including the appearance of church literature in the Yakut language. In this aspect, the contribution of St. Innokentii Veniaminov is highlighted, during the missionary activity of which significant historical events take place in Yakutia - the first translated publications and the conduct of church services in the Yakut language.

Keywords: translation literature; church literature; Christianization; first translations; text; national literature; Yakut literature.

Изучением вопроса роли и распространения христианства в Якутии в разное время занимались многие ученые, рассматривая этот вопрос как с точки зрения истории Якутии, так и истории русской православной церкви.

Православная церковь участвовала в формировании внешней и внутренней государственной политики, на её основе складывались культура, быт и мировоззрение общества. Исследователи подчеркивают, что конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских инородцев была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом [4, с. 83]. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев. Принятие православия местным населением рассматривалось как обязательная и важная часть политики интеграции, тем самым в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это, по мнению Л. М. Дамешек, является одним из отличий колонизационной политики

¹ *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00467.*

России по отношению окраинам государства от колониальных империй Запада [1].

Однако нельзя утверждать, что христианство сразу распространилось в Якутии и нашло отклик у местного населения. В силу территориальных и климатических условий распространение христианской культуры в Якутском крае растянулось практически на двести лет. Такой затяжной процесс есть свидетельство достаточно сильного распространения языческой веры среди якутов, которая сохранилась и по сей день, не смотря на укоренение христианства в регионе.

Все исследователи истории православной церкви связывают ее деятельность с определёнными персоналиями. Миссионерская деятельность в Якутии связана с именем выдающегося деятеля – святителя Иннокентия (Вениаминова). Святитель Иннокентий (Вениаминов) более сорока лет посвятил служению и распространению христианства на Алеутских островах, в Америке, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Иннокентий Вениаминов придавал особое значение распространению слова Божьего посредством языка местного населения, это подтверждается переводами церковных книг и богослужением на местных языках во время миссионерской деятельности на Алеутских островах и Аляске. Предполагается, что Иннокентий Вениаминов, понимая важность языка и культуры местного населения, осознанно распространял христианство через родной язык населения, тем самым приближая слово Божье к местным жителям и реалиям их бытия. Более того, он еще и учил различным ремеслам жителей, таким, как строительство, включая плотничество, тем самым распространяя христианскую культуру через практические навыки и умения.

В период служения в Якутии, с самого начала своей деятельности Иннокентий Вениаминов уделяет особое внимание переводам Священного Писания и богослужебных книг на якутский, чтобы продолжить просвещение якутов на их родном языке. По инициативе святителя Иннокентия в Якутске был учрежден Комитет для перевода священных и богослужебных книг на якутский язык (1853), председателем которого был назначен протоиерей Дмитрий Хитров. Также в работе комитета принимали участие протоиереи Евгений Попов, Никита Запольский, священники Михаил Ощепков, Петр Попов и Филипп Попов. В результате работы комитета были сделаны переводы всех книг Нового Завета (кроме Апокалипсиса); из Ветхого Завета – Бытие, Псалтырь; из богослужебных книг – Служебник, Требник, Канонник, Часослов, а также «Указание пути в Царствие Небесное» [2, с. 25].

Период появления большого количества переведенной и изданной церковной литературы на якутском языке, а впоследствии и массовое распространение этих книг свидетельствует о востребованности литературы на родном языке, по крайней мере, о распространении якутской грамоты в среде духовных учебных заведений. Итогом проделанной работы святителя Иннокентия Вениаминова и его сподвижников явилась литургия, впер-

вые проведенная на якутском языке 19 июля 1859 г. в Троицком соборе Якутска. Позже о литургии напишут многие исследователи как Русской церкви, так и исследователи якутского языка, подчеркивая значимость данного события. Для Якутской области, в которой вот уже на протяжении двух столетий велось распространение христианства, ведение службы на родном якутском языке стало одним из знаменательных событий, тем более что впоследствии якутская речь регулярно звучала во время церковных служб по всей Якутской области, а переводы церковных книг на якутский язык имели свое продолжение.

О вкладе миссионерской деятельности святителя Иннокентия Вениаминова говорит и его личное участие, и содействие в создании самостоятельной епархии в Якутии. Но прежде было получено разрешение на создание отдельной архиерейской кафедры – викариатство Камчатский епархии (1860). А 28 марта 1870 г. якутская паства торжественно отпраздновала открытие своей епархии.

В целом можно утверждать, что распространение христианства в Якутской области как часть государственной внутренней политики России, так же, как и в других регионах, оказало благоприятное влияние для распространения грамоты среди населения, в том числе и появление церковной литературы на якутском языке.

Библиографический список

1. Дамешек Л.М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в.// Известия ИГУ. Серия «История», 2016. Т. 17. – С. 35–47.
2. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем: в 7 т. Т. 4: Апостол Дальнего Востока и Севера (1852-1860). – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной церкви, 2012. – 656 с.
3. Шишигин Е.С. Страницы миссионерства в Якутии. Издательство: ГУП «Полиграфист» ЯНЦ СО РАН, 1997. – 90 с.
4. Юрганова И.И. Деятельность русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв.) [электронный ресурс]: специальность 07.00.02 – Отечественная история: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук/ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, 2017. – 442 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003295761> (дата обращения: 21.04.2019).

ФЕНОМЕН «МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В ПРАВОСЛАВИИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З. В. Силаева
Н. И. Фоменко

*Кандидат политических наук, доцент,
магистр,*

*Казанский федеральный университет,
учитель,*

Е. Н. Силаева

Лицей № 35 –

*Образовательный центр «Галактика»,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article is devoted to a theological rethinking of the phenomenon of «missionary activity». It deals with the dogmatic foundations of Orthodox missionary work. As a result of the research, the authors come to the conclusion that church missionary work has always adapted to the external conditions of the life of the region.

Keywords: missionary activity; apologetics; the Russian Orthodox Church of the MP; the territory of pastoral responsibility; non-traditional methods of missionary activity.

В светском понимании «миссионерская деятельность» – одна из форм деятельности религиозных организаций, имеющая целью обращение неверующих или представителей иных религий [5, с. 21]. В христианском же понимании миссионерская деятельность – это свидетельство по всему миру о Христе распятом за человеческие грехи, Воскресшем Господе и введении в мир его Царства [5, с. 28].

Миссионерская деятельность – это главнейшая обязанность христианской апостольской церкви, это есть исполнение заповеди Христа Своим ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел Вам» (Мф. 28, 19-20). Миссия Церкви направлена на освящение как человека, так и всех сферах его жизнедеятельности: «Сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8, 21-23). Суть миссии состоит в том, что бы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать христианский смысл в привычные мирские дела, использовать культуру и обычаи народов, среди которых проводится миссия и преобразовывать её в средство спасения [3].

Христианская миссия ставит перед собой задачу не только дать людям вероучительные истины и воспитать в человеке христианскую модель поведения, но и передать опыт Богообщения посредством личного участия в таинствах, совершаемых в общине.

Православное понимание миссии подразумевает, что распространение Евангелия по всему миру имеет эсхатологическое значение, поскольку Царство Божие придёт только тогда, когда: «Проповедано будет сие Еван-

гелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24, 14).

Первыми же христианскими миссионерами были апостолы, которым Христос заповедовал проповедовать Слово Божие всем народам. Именно основываясь на примерах первых христианских проповедников церковь строила свою политику относительно миссионерской деятельности. Апостолы шли по всему миру на проповедь и возвещали народам о воплотившемся Боге, о Крестной Жертве, о возможности спасения человека. Как мы видим, в деяниях святых апостолов Господь подкреплял слова своих проповедников явлениями силы Божией. Проявление чудес во время проповеди имело особое место в период деятельности апостолов, поскольку народ в тот исторический период являлся в большинстве своём религиозным, и на таких людей проявления сверхъестественного оказывало большое влияние, что делало миссию эффективнее.

Апостолы несли христианскую проповедь в разные народы, но все они являлись религиозными. Именно наличие повсеместного религиозного воспитания оказало большое влияние на результат распространения христианства. Религиозных людей не нужно было убеждать в наличии Бога, богов, каких-либо других сверхъестественных сил, необходимость была только в том, чтобы показать, что христианская система лучше языческой.

Также стоит отметить, что для более эффективной проповеди апостолов посылали в различные территории, формируя территории пастырской ответственности. Данный опыт позже был перенесён на созданные евхаристические общины и на целые поместные церкви. Это сделано для того, чтобы во время миссии учитывать культурные особенности различных регионов мира и в зависимости от них формировать методы миссионерской деятельности. В Новом Завете нет конкретных указаний на то, как нужно проповедовать. Главное в деле проповеди было получить необходимый результат, то есть привести людей к Богу, дать человеку возможность спастись. Методы же всегда выбирались самими проповедниками в соответствии с Евангельским духом [5].

Как было сказано ранее, первыми проповедниками Христа были Его апостолы. Их проповедь стала ответом на призыв Христа учить все народы, крестя их во имя Господа.

Суть апостольского миссионерства изложена в следующих словах Христа: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8) [1]. То есть апостолы будут действовать сами, опираясь исключительно на свои навыки и умения, но сила проповеди будет заключаться не в их действиях и достижениях, а в Духе, Которого они примут, и Который будет действовать через них. Миссия началась в священном городе, в первую очередь среди иудеев и соседних народов, а потом постепенно распространится и на все остальные, ранее неизвестные апостолам народы.

Важно обратить внимание на следующие слова: «и будете Мне свидетелями». В данных словах отображено, что сутью проповеди будет не донесение закона и каких-либо правил до всего человечества, а свидетельство о Христе, и не только вербальными методами, но и невербальными, как например личным примером самих апостолов. Вся жизнь апостолов с момента начала проповеди стала заключаться в том, чтобы показывать, что принёс Христос в этот мир и что значит быть Его учеником. В дальнейшем в истории христианства это привело к тому, что слово «свидетель» приобрело значение мученика, то есть тех, кто готов был принять смерть за веру во Христа.

Собственно начало проповеди не заключалось в том, что апостолы шли к кому-то. Апостолы просто собирались вместе, молились и жили единой общиной. После схождения Святаго Духа на них в день Пятидесятницы апостолы чудесным образом начали разговаривать на языках ранее не известных им народов. После этого события был начат процесс активной проповеди всем народам.

Для нас важно отметить то разнообразие миссионерских методов, которое применяли апостолы. Например, апостол Пётр во время проповеди среди иудеев широко использовал ветхозаветные пророчества о Мессии, и потом уже доносил до иудеев, что во Христе это пророчество сбылось. Данный метод был бы не эффективен среди эллинов, поскольку ветхозаветные пророчества не были авторитетом ни у одного из народов, кроме еврейского.

После принятия Христа большим количеством людей Пётр не начал «воцерковлять» верующих, как это принято в нынешнее время, а продолжил дальше говорить только о Христе. Воцерковление происходило исключительно на основе личного примера проповедника и совершалось через жизнь в общине. Апостолы стали наставниками новообращённых, но Новый Завет акцентирует внимание не на этот факт, а на то, что первые христиане жили единой общиной и на постоянной основе участвовали в литургии. Община была вместе и имела всё общее.

Но форма церковной жизни не столь важна, христиане надеялись на то, что Святой Дух устроит их общину, а каким образом, это их не волновало. Община очень важным считала социальное служение, именно через него проповедовалось Слово Божие [6].

Далее стоит обратить внимание на апостола Павла. Для нас важно отметить то, как он проповедовал. Павел был своего рода апостолом свободы, он учил, что религия в её старом варианте, то есть состоящая из большого числа законов уходит, потому что нельзя спастись лишь только соблюдением закона. Он не отрицал закон, но он и не выводил закон на первое место. Павел объяснял, что закон и обряды – это средство для спасения, но более важный акцент делал на том, что важнее быть с Богом для того, чтобы спастись.

В апостольских посланиях Павла кроется ответ на то, как он проповедовал. В его посланиях нет богословского трактата или систематического изложения веры. В его посланиях язык простого человека, как Павел проповедовал в жизни, так он и писал. Павел в своих посланиях и проповедях открывался человеку, на личном примере показывал, почему стоит следовать за Христом.

Павел по сути своей нарушал устои того общества, в котором он проповедовал. Ведь он говорил о том, что для Христа все равны, нет разницы ни в национальности, ни в социальном статусе, ни в гендерном различии. Апостол Павел не боялся идти против сложившейся системы устоев и норм, он проповедовал Слово Божие, уповая на Бога, и именно это видели люди, и именно поэтому люди шли за ним.

Суть апостольской проповеди заключалась именно в донесении вести о Христе на основе личного примера. Данный опыт перенимали и первые христиане, такая методика миссионерской деятельности действовала первые три века, до момента легализации христианства, как религии [7].

После того, как христианство приобрело статус разрешенной, а потом и государственной религии на территории Римской Империи появилась необходимость в трансформации миссионерской деятельности.

В связи с тем, что большое количество людей после получения христианством статуса государственной религии приняло решение принять крещение, у церкви появилась задача не приводить людей в церковь, а обучать уже пришедших основам веры. Церковь направила свои силы именно на деятельность по воцерковлению людей, а не по привлечению новых. Осталась проповедь Евангелия среди «диких» народов, но с постепенной христианизацией Европы необходимость в ней начала отпадать [2].

Церковь перешла на модель, когда миссионерская деятельность заключалась в обучении вере членов церкви. Поэтому в большом количестве членами церкви стали писаться работы по изложению христианской веры. Церковь ушла в некотором роде в себя, она начала решать проблемы, которые вскрылись после легализации христианства. Например, такие как борьба с различными ересями и окончательное оформление христианского вероисповедания. Формирование догматов и канонов церкви помогло решить некоторые задачи.

Таким образом, при переходе от языческой веры к монотеистической люди приходили в церковь для обучения – это была своеобразная традиция. Вплоть до настоящего времени принципиально нового в модели миссионерской деятельности не было, она по-прежнему рассматривалась через обучение вере. Однако в период секулярного общества происходит снижение роли религии в жизни человека. В связи с этим у церкви появились принципиально новые проблемы, которые необходимо решать. Возникла необходимость в развитии миссионерской деятельности для привлечения людей в церковь.

Осознав эти проблемы в период после распада Советского Союза, РПЦ МП стремится активизировать проповедническую деятельность и начинает проводить работу по составлению концепции по возрождению своей миссионерской деятельности. Это привело к принятию в 1995 году «Концепции возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [4]. Основной ее задачей являлось запустить процесс активизации проповеднической деятельности «верных чад Церкви». Концепция призвала встать членов церкви на путь Православного свидетельства.

Поскольку миссия Церкви заключается в спасении каждого человека, в сферу её свидетельства входят различные вопросы, в том числе культуры, науки, окружающей среды и всего, чем живёт современное человечество. В зависимости от среды и духовного уровня населения, среди которого ведётся проповедническая деятельность, Церковь выделяет четыре ее формы.

Первая форма православной проповеди – это информационная миссия. Она предполагает использование средств массовой информации с целью донесения Евангелия до самых широких слоёв населения; организацию приходских библиотек и издание специализированной миссионерской литературы.

Вторая форма – это апологетическая миссия. Она направлена на свидетельство истины Православия в сравнении с разного рода еретическими, сектантскими и прочими религиозными учениями, которые получили широкое распространение на канонической территории РПЦ МП. Данная форма также направлена на противодействие различным «евангелизаторам» и прочим проповедникам не имеющим отношение к православной апостольской церкви.

Третья форма – это воспитательная миссия, то есть воцерковление. Данная работа проводится с людьми, которые готовятся к принятию крещения. Цель такой миссии заключается во включении человека в приходскую жизнь, формирование православного уклада жизни.

Четвёртая форма – внешняя миссия. Суть данной формы заключается в том, что бы нести истины православия народам, не имеющим христианских основ в культуре, но находящимся на канонической территории РПЦ МП.

Данная градация создана условно и выделена для удобства планирования миссионерской работы на всех уровнях церковной действительности: приходском, епархиальном, общецерковном.

На приходском уровне особенно значимой является воспитательная работа, поскольку именно евхаристическая община составляет основу церковной жизни. Она строится на основе следующей схемы: оглашение (первоначальные катехизаторские беседы), Крещение (воспитание членов общины), научение (внебогослужебные чтения и собеседования, с целью более подробного изучения православной веры и формирования христианского образа жизни у членов прихода).

Также необходимо отметить, что Церковь считает важным организовать апологетическую работу на приходском уровне в связи с широким прозелитизмом, который осуществляют как традиционные, так и нетрадиционные религиозные движения не являющимися православными. В этом плане церковь видит наиболее эффективными формами миссионерской деятельности два подхода. Первый – создание миссионерского прихода в каждой отдельно взятой епархии. Второй – создание реабилитационных центров для жертв различных деструктивных религиозных движений на приходском уровне. Информационную миссию следует проводить в соответствии с возможностями прихода.

Внешняя миссия. Поскольку целью проповеди Благой Вести является создание христианской общины в каждой местности, в её среде и культуре, то церковь считает необходимым при организации прихода на местности, где христианское население составляет меньшинство, по возможности рукополагать во иереи кандидатов из числа местного населения. Данное действие позволяет проводить богослужения на понятном для местного населения языке. Также важно распространение Книг Ветхого и Нового Заветов на национальном языке.

Особое внимание необходимо уделить тому факту, что появление священнослужителя в священнической одежде в общественных местах уже является миссионерством, соответственно внешний вид священнослужителя обязан соответствовать правилам пастырской эстетики.

Задача епархиального уровня заключается в формировании библиотек, создании миссионерских курсов и училищ, а в дальнейшем и введение миссионерских предметов в учебные курсы духовных академий и семинарий. Требуется возродить институт епархиальных миссионеров, как в среде священнослужителей, так и в мирской. Для мирян необходимо проводить соответствующую подготовку.

Необходимо организовать постоянный контакт с миссионерским отделом Священного Синода РПЦ МП с целью получения программно-методической помощи, а также проведения постоянных консультаций с целью увеличения эффективности миссионерской деятельности на епархиальном уровне.

Общецерковный уровень предполагает создание Миссионерского Фонда РПЦ с целью содействия осуществления миссионерской деятельности на территории пастырской ответственности РПЦ МП. Также важным является создание научно-координационного отдела на уровне патриархии с целью работы по следующим направлениям:

1. Компиляция материалов, отображающих опыт православной апостольской церкви в поле миссионерской деятельности на протяжении всей истории церкви с целью создания на их основе методических пособий для миссионерской работы Русской Православной Церкви в современных условиях.

2. Изучение методов проповеднической работы в инославной среде, особенно в традиционно мусульманских и буддийских районах и создание необходимых программ для проповедников.

3. Сосредоточение информации о миссионерской деятельности на канонической территории Русской Православной Церкви всех неправославных проповедников. Выработка и издание апологетических материалов с целью противодействия им

4. Организация юридического отдела по контролю за правомерностью действий тех или иных нетрадиционных религиозных организаций.

5. Открытие учебного заведения специализирующегося на подготовке миссионеров.

6. Формирование средств массовой информации миссионерской направленности на общецерковном уровне.

7. Организация деятельности по переводу богослужений и Священного Писания на языки народов, проживающих на территории пастырской ответственности Русской Православной Церкви [4].

Сформировав данную концепцию Русская Православная Церковь получила чёткий план действий по активизации миссионерской деятельности. Но важно отметить, что как в составлении самой концепции, так и в её реализации были допущены упущения, которые не позволили церкви наладить проповедническую деятельность одинаково успешно на всей своей канонической территории.

Церковь предпринимала попытки по совершенствованию проповеднической работы, были проведены многочисленные заседания Священного Синода Русской Православной Церкви по проблематике миссионерской деятельности, в 2007 году была сформирована новая концепция миссионерской деятельности с исправлением ранее допущенных промахов. Также на очень высоком уровне был проведён ряд общецерковных мероприятий, которые провозглашали своей целью активизацию миссионерской деятельности среди молодёжи, но все достигнутые договорённости не были реализованы.

В качестве примера можно привести «Православный Корпус» в лагере «Селигер» в 2009 году. Когда под руководством общественного деятеля Бориса Якеменко было собрано 400 православных активистов со всей страны, с целью их обучения основам миссионерской деятельности. Была достигнута договорённость на уровне патриархии и отдан приказ о том, что по возвращению обучавшихся в родные епархии их официально трудоустроят, а также создадут все условия для миссионерской деятельности. По сообщениям того же Бориса Якеменко, ни один из прошедших подготовку не был трудоустроен, они оказались не востребованными в своих епархиях, хотя подготовку проходили у признанных миссионеров Русской Православной Церкви (у о. Даниила Сысоева, о. Дмитрия Смирнова, о. Всеволода Чаплина и др.). На этом примере мы можем наблюдать, что

даже поручения предстоятеля Русской Православной церкви могут быть не выполнены без всяких причин.

Наиболее важным упущением в концепциях миссионерской деятельности РПЦ МП является полное игнорирование проблемы отсутствия религиозного сознания у большей части населения России. Как отмечает, например, протоиерей Дмитрий Смирнов, у народа в большинстве своём на данный момент отсутствует причастность к каким либо религиозным идеям и ценностям, также как и отсутствует принадлежность к определённой религии или религиозной группе.

Таким образом, можно выделить две основные проблемы в миссионерской деятельности РПЦ МП. Во-первых, это допущение конкретных промахов в концепции проповеднической деятельности. Во-вторых, проблема ее воплощения в жизнь на всех церковных уровнях. Следовательно, ответы на вопросы, кого учить, и для чего нужна церковь, становятся важной вехой в развитии миссионерской деятельности современности.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета / Москва: Российское Библейское общество. – 2013. –1218 с.
2. История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054) Профессор Михаил Эммануилович Поснов. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Posnov/istorija-hristianskoj-tserkvi-do-razdelenija-tserkvej-1054-g/, доступ свободный (дата обращения 24.10.19)
3. Как проповедовали апостолы? Профессор Андрей Борисович Ефимов о миссии сегодня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/95298.html/>, доступ свободный (дата обращения 24.10.19).
4. Концепция возрождения миссионерской деятельности РПЦ МП. 1995г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/katehiz/mission/stat/miscon.htm#1/>, доступ свободный (дата обращения 24.10.19).
5. Православная миссия сегодня. Сборник текстов по курсу «Миссиология». – Санкт-Петербург: Апостольский город, 1999.
6. Профессор богословия, протодиакон Андрей Кураев: Блог автора. «Vkontakte» – социальная сеть [Электронный ресурс] – URL: https://vk.com/diak_kuraev, доступ свободный (дата обращения 24.10.2019).
7. Что такое миссионерство? Автор профессор Свято-Тихоновского Богословского университета Андрей Борисович Ефимов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravmir.ru/chto-takoe-missionerstvo/>, доступ свободный (дата обращения 24.10.19).

V. HISTORICAL FEATURES AND FACTORS OF OCCURRENCE AND FORMATION OF THE WORLD'S RELIGIONS

МУҲАММАД РАҲИМХОН I ҲУКМРОНЛИГИНИНГ ОХИРГИ ЙИЛЛАРИДА ИЧКИ ЗИДДИЯТЛАРНИНГ КУЧАЙИШИ

Б. Х. Сапарбаев

*Ўқитувчи,
Урганч Давлат университети,
Урганч, Ўзбекистон*

Summary. The given article is devoted to brightening up the internal conflicts which happened due to the increase in exploitation during the late years of reign of Mukhammad Rakhimkhan I. Revolt of Oidustbi and its social reasons are analyzed.

Keywords: Mukhammad Rakhimkhan I; Khiva khanate; Oidustbis' revolt; internal conflict.

Муҳаммад Раҳимхоннинг ички қарама-қарши кучларни аямасдан йўқ қилиши, айниқса Тўрамурад сўфи айирмачилигини батамом тугатиши мамлакатда сиёсий кўтарилишларга барҳам берса-да, мамлакат ичкарасида қарама-қарши кучлар йўқ эмас эди. Энг асосийси, хонавайрон бўлган, интиқом олишга тайёр турган оддий меҳнаткаш халқни жабр-зулмга қарши етакловчи ташкилотчилар кам эди. Хон ўзининг ижтимоий-сиёсий сиёсатини олиб боришда мўътадиллик йўлини тутиб, туркман ва қорақалпоқ халқларининг йирик феодаллари, лашкарбошилари, диний уламоларига таяниб иш юритди.

Уларнинг айримлари Муҳаммад Раҳимхонга жуда ихлосманд бўлиб, содиқ хизмат қилишган. Ҳатто қорақалпоқ Ойдўстбий 1810 йилда хон сиёсатига қарши чиққан ўз инилари – Бегис ва Миржиқларни ўлдирган [1, б. 73–75].

Ойдўстбийнинг Миржиқ деган инисидан Эрназар исмли 4 яшар бола ҳаёт қолади. Унинг онаси Қумар ботир ўғлини барча бўлиб ўтган воқеалардан хабардор қилади. Бу бола йигит бўлиб етишгач, куч-қудратга тўла паҳлавонлар орасидан жой олади. Тўйларда кураш тутишиб, Хива хонлигининг бош полвонини эгнига кўтариб, хон олдида ташлайди. Бундан ғазабланган хон уни зиндонбанд қилади.

Охир-оқибат хон уни ўз хизматига таклиф қилиб Эрназарга бий мансабини беради. Шундан кейин у хонга бўйсунिशга мажбур бўлади. Бироқ, кўп нарсаларда хон сиёсатига қарши чиқади. Оллоқулихон даврига келиб у Эрназар Олакўз номи билан қўзғолончиларнинг етакчисига айланади [2, б. 197–199].

Ойдўстбий масаласига келсак, у Муҳаммад Раҳимхон фаолиятининг охирги йилларида хон теварагидан четлатилгандай сезилади. Хоннинг

1821–1822 йиллардаги Чоржўйга қарши юришидаги қорақалпоқ бийлари рўйхатида у кўришмайди.

Оллоқулихон даврига келиб, у барча ҳуқуқларидан маҳрум бўлади. Натижада у 1827 йилга келиб қорақалпоқ кўзғолончиларининг ташкилотчисига айланади [2, б. 180].

Муҳаммад Раҳимхон 1825 йилга яқин қолганда жиддий касалликка чалинади. 1240 ҳижрий муҳаррам ойининг охирида 7 ойдан бери касал эди, деб ёзади Огаҳий “Фирдавс ул–иқбол” асарида [3, б. 351].

Ҳукмдорни даволаш учун кўп эллардан табиблар таклиф қилишади, аммо дард тобора зўраяди. Охири унга атрофдаги аёнлари шикорга чиқишни маслаҳат беришади.

Муҳаммад Раҳимхон аксарият ҳолларда ҳарбий юришлардан кейин шикорга чиқиш-ов овлашга иштиёқманд бўлиб, ўзи моҳир чавандоз ва салоҳиятли мерган бўлган. У фаолияти давомида мамлакатнинг турли минтақаларида ов овлаш билан шуғулланган.

Хон 1825 йилда Қўнғирот ҳудудига шикорга чиқади. Бу унинг охирги шикори эди. Ўша шикор пайтида унинг касали янада авж олади. Бу пайтларда Муҳаммад Раҳимхон давлат арбоби сифатида ўзини тўла намоён қила олган эди. Шу сабабли қўшни давлатлар Эрон, Хуросон, Бухоро ва бошқа мамлакатлар Хива хонлиги билан яхши муносабатларни тиклашга ҳаракат қиладилар. Муҳаммад Раҳимхон ҳам бундай муносабатларга ижобий ёндашди.

Аммо сал ўтмай Муҳаммад Раҳимхон вафот этади. У Хиванинг сўнгги хонлари орасида алоҳида ажралиб турар эди. Ҳукмдор кўпгина ирригация шохобчаларини таъмирлатади ва янги каналлар барпо қилиб, хонликда деҳқончиликнинг раванқ топишига йўл очди. У кўпгина биноларнинг барпо бўлишида ташаббус кўрсатади. Тошҳовузда қалъа қуриш учун ер ажратди. Ҳар бир минтақада хон учун махсус ҳовлилар барпо қилади.

Муҳаммад Раҳимхон 20 йил хонлик тахтида ҳукм суриб 50 ёшида вафот қилди. Буни Огаҳий шундай ёзади: “Чун ҳазрати подшоҳи жаннат-жойгоҳ Қўнғирот ноҳиятин сайри шикор қилиб келгандин сўнг касали кун-кундин музоиф ва мутазоид бўлди...тарихи ҳижрий 1240да, товук йилининг авойили рамазони ол муборак ойининг ўн тўққизинчи оқшомида шанба кечаси (1825 йил, 7 май) иродаи азалий... қазо ҳукмига ризо бўлди” [3, б. 354].

Муҳаммад Раҳимхондан етти ўғил қолди. Хонлик тахтини унинг тўнғич ўғли Оллоқули тўра эгаллади.

Библиографический список

1. Дошняязов Ж. Алламжирова Г. Ерназар Алакоз халық аңызында. // Қарақалпақстан тарий хының заманагөй машқалалари. Нөкис, 2007.
2. Камалов С. Каракалпаки в XVIII-XIX веках. К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами. – Ташкент: Фан, 1968. С. 197-199, С. 180.

3. Шермуҳаммад Мунис, Муҳаммадризо Огаҳий “Фирдавс ул-икбол” (Нашрга тайёрловчилар: Н.Жумахўжа, С.Рўзимбоев, А.Аҳмедов.) –Т.:“Ўқитувчи”, 2010. 351-б, 354-б.

VI. CORRELATION OF RELIGIOUS AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS BELIEFS

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Stavropol branch
of the Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The source of the origin of scientific knowledge is in material production of a society. The basis of human understanding of causal dependence in nature was people's awareness of their activity in the process of production. Reflecting in myths that one phenomenon becomes a cause of another was a consequence of that awareness. Religious ideas about the world and accurate observations over nature phenomena were merged together, existed one in connection with the other, but this does not mean that religious beliefs and knowledge are identical. Germ of scientific ideas were gradually separated from myths, being mixed with them in the consciousness of a man, but did not arise directly from them

Keywords: knowledge; cognition; mythology; religion; intellectual culture.

The first form of a theoretical activity of mind was account of objects. It is possible to have different interpretations of the emergence of scientific knowledge, and views on this complex problem, but all interpretations of the genesis of science tend to come from materialistic understanding of history that relies on huge factual material [1, p. 83–86]. Therefore, those views are especially valuable, that based on the study of archeologists and ethnographic data, which allow to interpret mythology correctly, [8, p. 18–22]. They include studies based on the analysis of interesting artifacts, which proved that complex representations about the world, out of which about six thousand years ago astronomy has developed in Mesopotamia, arose in connection with the practical requirements of a primitive society. Scientific knowledge was developed as a result to meet the social needs of the hunting collectives of the Paleolithic, the needs closely related to the cycling of natural activities related to real astronomical time, in the course of production activities, in the practice of seasonal trading [2, p. 142–145]. In astral myths and drawings of primitive man there is an attempt to find a stable kernel of cognitive, rational, scientific origin. The true meaning of astral myths is most similar among primitive people who lived in different parts of the globe, represents the heavenly bodies as animals and humans, identifies them with ancestors; the analogy of the celestial motion

with the cycle of life and death on Earth, projects on the interpretation of astral phenomena the family-generic relations of people and their production skills, ideas corresponding to the real phenomena of the objective world, which are displayed in various fetishistic, magical, totemistic beliefs embroiled with rational knowledge [9, p. 123–128].

According to archaeological evidence, it has been established that at the end of the early Paleolithic there were ideas about the dome of the sky, the Sun, four sides of the horizon. By the end of the Paleolithic, there were ideas about the Universe as a single whole, a septenary model of the world, four elements, similar to the original elements of ancient Greek cosmological approach, germs of life and death concepts by analogy with the rise and set of heavenly body and other views, referring to history of science, but not religion [3, p. 80–85]. It can be said that twenty thousand years ago people created a number systems. All these rational achievements, derived from experience, simplest astronomical and other observations, as a result of technical and mathematical developments, were closely embroiled with faith into the magical power of numbers, images and spells. The original lunar mythology arose not as a result of mystical intuition, as it is usually interpreted by a number of modern religious scholars, but from the need for real organization in time of all production activities of the hunting communities of the Paleolithic. Based on an analysis of the trading and ancestral calendars of the Paleolithic, one could argue that rational knowledge could not arise from magical fantasy. By identifying the calendar implication of the ornaments and frescoes of the Paleolithic, there is no need when interpreting, for example, the depiction of a bull-woman or a horse-man in the cave art, to use a concept of pralogical thinking, a sexual-symbolic explanation, or archetypes of the collective unconscious [13, p. 73–78]. This can be used to create a concept of art and present the problems of origin of religion [15, p. 82–89].

Research of scientific knowledge in the Ancient East is of great interest. Thousands years ago there was an era of intense mental activity. In some areas: linguistics, law, mathematics, including geometry, and by the beginning of the Hellenistic period and astronomy, significant knowledge was accumulated - it is both conversance with the number system, medical and astronomical knowledge. Sumerian and Babylonian knowledge about the world around them was generated by practical necessity [7, p. 139–144]. The Babylonian art of counting, created to teach future scribes and administrators, has grown into a science – theoretical mathematics, in the ability to solve quadratic equations, to anticipate the movement of planets [10, p. 37–40].

Of course, it is groundless to try to explain the origin of arithmetic and geometry from magic, to interpret scientific knowledge as a consequence of religious ritual [4, p. 118–124]. In opposition to the view that Sumero-Babylonian scientific knowledge was closely related to religious beliefs, it can be considered that Sumero-Babylonian science was marginally related to a cult, magic and astrology. There was a sharp distinction between science and religious beliefs [11, p. 29–31]. In Babylonia, legal science, unlike many ancient

Eastern countries, was ecular. The training course did not include a study of fortunetelling common in this country. It would be interesting to distinguish (from the large number of prepositions are extant) correct signs that have been added as a result of observations of nature phenomena. These studies make a valuable contribution to the study of the spiritual culture of ancient mankind, and draw out formation of scientific knowledge in the Ancient East [14, p. 39–44]. Information about ancient Egyptian calculations, calendars and medical knowledge, do not allow to claim that this knowledge can be considered as a part of science – it is necessary to consider them to be a pre-science. Studying this subject in great detail, we can arrive at the conclusion that: the ancient Egyptian class society certainly received cultural heritage from the pre-class society. The early origins of the culture of the Nile Valley people go back to the pastoralist African tribes. The achievements of ancient Egyptians in the field of scientific knowledge, in particular mathematical and scientific knowledge, cannot be underestimated. It is known that in ancient Egypt medicine reached a relatively high level, Egyptian doctors enjoyed universal recognition. The Egyptian doctors took the first steps on the way of cognition, which led them to a materialistic teaching about the brain. Identifying the crumbs of knowledge in the shell of religious beliefs is a very complex task [12, p. 282–284].

The pre-scientific knowledge in ancient India was natural. Mythological figures on the seals of Indian culture of III–IV millennium BC are images of the season of the year, month, constellation: they have no mystical meaning. One of the most important signs depicting fish denotes stars, as in ancient times the sky was identified with the water. Epicur taught to compare celestial phenomena, which were not available to experienced knowledge, with what is known about phenomena occurring on earth. Seven vertical draws with the sign of fish mark seven stars of the Big Dipper. Natural knowledge in ancient China is based on valuable research, which is based on many interesting judgements about the origin of scientific knowledge in ancient Greece, connections of ancient Eastern natural science with ancient knowledge about nature, a role of natural science in the formation of ancient Greek philosophy [16, p. 241].

Specific factual data on the development of scientific data in the ancient world explain attempts to talk about the origin of science from religion [5, p. 43–46]. History of natural and scientific knowledge makes it possible to comprehend emergence of spiritual culture of mankind, origin of science, their first steps in the field of Understanding the World [6, p. 27–30].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.

3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2009. - № 1. - С. 43-46.
6. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. - № 6-2 (12). - С. 27-30.
7. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
8. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О.Н., Джигоева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

О ВОЗМОЖНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ К ЦИКЛИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ В КОРАНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Р. А. Бисенгалиев

*Кандидат физико-математических наук,
доцент,
Калмыцкий государственный
университет им. Б. Б. Городовикова,
г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия*

Summary. The analysis of texts of the sacred Scriptures in some cases leads to possible premises for various scientific hypotheses and theories. In this article, we present one of the possible interpretations of the ayahs of the holy Quran in the context of the cyclical cosmology hypothesis. The interpretation of the ayahs proposed in this sense is new in Islamic studies. The results of the study may be useful to scientists involved in the philosophy of religion, theology, religious studies and Islamic studies in particular.

Keywords: Holy Quran; cyclic Cosmology; expansion of the Universe.

Как известно, наша Вселенная с момента ее «рождения» расширяется. Естественно возникает вопрос, будет ли она расширяться бесконечно, либо данный процесс сменится на каком – то этапе, например, ее сжатием. Ответ на данный вопрос, как утверждают космологи, зависит от темной энергии, а именно, если плотность ее энергии будет постоянной или будет увеличиваться со временем, то концом жизни Вселенной будет так называемая «тепловая смерть» или «Большой разрыв» соответственно. Если же плотность энергии на каком-то этапе начнет убывать со временем, то расширение может смениться сжатием. На сегодняшний день имеются различные модели, описывающие такие сценарии. Одной из таких моделей является циклическая модель Вселенной [1], идеологами которой являются известные теоретики П. Стейнхардт, Н. Тьюрок, Р. Пенроуз. Циклическая теория существует в нескольких версиях. Однако, общая концепция остается неизменной. А именно, утверждается, что нет никакого момента начала Вселенной. Есть лишь периодические фазы интенсивного рождения вещества и излучения, каждую из которых при желании можно называть Большим взрывом. Но любая из этих фаз знаменует не возникновение новой вселенной, а лишь переход от одного цикла к другому. Отметим также, что на современной стадии развития Вселенной, плотность темной энергии, можно сказать, величина постоянная, то есть расширение происходит с таким темпом, что смогли образоваться звезды, галактики и другие объекты (антропный космологический принцип).

Нам представляется, что в толковании Корана [2] указывается на идею цикличности Вселенной, а также на процесс «Большого сжатия». Так, например, в 21-ой («Пророки») и 44-ой («Дым») главах Корана говорится:

21:104. В тот день Мы свернем небо, как сворачивают свитки для книг. Мы воссоздадим творения подобно тому, как начали творить их в первый раз. Так было обещано Нами. Воистину, Мы сделаем это.

44:16. В тот день, когда Мы схватим вас величайшей Хваткой, Мы будем мстить.

Мы предполагаем, что в этих стихах может говориться о сценарии так называемого Большого сжатия Вселенной (слово «хватка», очевидно, ассоциируется со сжатием, а сочетание «величайшая хватка», на наш взгляд, может указывать на состояние сингулярности). Отметим, что в стихе 21:104 помимо идеи «скручивания» Вселенной, также указывается идея цикличности. Кроме того, предпосылки к циклической модели, по нашему мнению, можно найти в следующих стихах:

14:48. В тот день земля будет заменена другой, равно как и небеса

53:47. На Нем лежит сотворение в другой раз.

84:19. Вы переходите из одного состояния в другое.

85:13. Воистину, Он начинает и повторяет

Действительно, как видно прослеживается идея цикличности. Анализируя аят 21:104 мы полагаем, что речь идет о создании новой подобной Вселенной. Обсудим более подробно стих 21:104. Сочетание «мы свернем небо», как нам кажется, можно сформулировать на научном языке как «вселенная компактифицируется». Понятие компактификации тесно связано с геометрией теории струн, согласно которой наш мир состоит из мельчайших вибрирующих струн. Одним из следствии данной теории является многомерность нашего пространства-времени, а именно предполагается что размерность равна 10 (1 временная + 9 пространственных). Согласно теории струн, каждой точке нашего четырехмерного пространства ставится в соответствие шестимерное многообразие Калаби-Яу. При этом мы не наблюдаем лишних размерностей, в силу того, что пространство Калаби-Яу скомпатифицировано на сверхмалые масштабы. Теория струн предполагает, что каждой точке четырёхмерного пространства-времени соответствует пространство Калаби-Яу.

Одной из проблем теории струн является так называемая проблема ландшафта. Суть проблемы состоит в правильном выборе многообразия Калаби – Яу, которое бы в точности описывало бы нашу Вселенную. Как оказалось, таких многообразий очень много и каждое из них, описывает определенную Вселенную. Анализируя аят 21:104 мы полагаем, что в нем речь идет о цикле подобных Вселенных. Как нам кажется, сюда можно привлечь проблему ландшафта теории струн, в том смысле, что новая Вселенная подобна предыдущей, как Вселенная с другим, отвечающим за нее многообразием Калаби-Яу, и, следовательно, уже с другими фундаментальными физическими постоянными.

Библиографический список

1. Steinhardt P. J., Turok N. The Cyclic Model Simplified // New Astron.Rev. Vol. 49 P. 43-57, 2005.
2. Кулиев Э.Р. Коран. Перевод смыслов и комментарии. - Изд. Умма, 2010. 816 с.

ТЕОРИЯ СУЩНОСТНОГО КОДИРОВАНИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ СУБСТИТУТ ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКИ

А. Энфи

*Независимый исследователь,
руководитель,
Арт-Гуманитарный центр,
г. Москва, Россия*

Summary. The question of the correlation of religious and scientific worldviews is considered. The priority of studying the ethical aspects of this problem is noted. The adequacy of the Essence Coding Theory as a substitute for traditional systems of religious ethics is shown.

Keyword: essence coding theory; law of conscience; religion; ethics.

Знание малое от Бога удаляет,
а большое – приближает...

Исаак Ньютон

Попытки «примирить» религиозное и научное познание мира предпринимались уже со времён античности, сводясь обычно к поиску неких «магических первосимволов», «духовных энергий», «божественных частиц» и т.д. «Цифры правят миром, порождая богов и людей» – заявлял Пифагор. «Проявлениями духовного метафизического начала» объявил открытые физиками внутриатомные силы Эдуард фон Гартман. «Материальными кирпичиками добра и зла, отвечающими за карму людей» были названы элементарные частицы мюоны, а в последнее время как о некой «частице Бога» научный мир заговорил уже о бозоне Хиггса...

Но дело в том, что для религиозно мыслящего человека изначально божественной является сама Вселенная со всеми её символами, энергиями и частицами, тогда как для убеждённого атеиста любой объект во Вселенной, представляя собой, с профанной точки зрения, всего лишь материальный продукт случайных процессов «естественной эволюции», лишён какой-либо «мнимой божественности» уже по определению...

Как же эти заведомо антагонистические подходы можно примирить?

Для начала вспомним, что любая религия, выдвигая даже какую-то свою космогоническую концепцию, остаётся, прежде всего, Этическим Учением. Говорить же о религиозно-этических аспектах неких «частиц» или чего-либо ещё во Вселенной, помимо Человека – очевидный нонсенс,

ибо «Намерение Священного Писания в том, чтобы научить нас тому, как идти на небо, а не тому, как идёт небо» (Галилео Галилей). И вот, именно поэтому «стык науки и религии» («реперные точки их соотнесения и соприкосновения») необходимо искать в области сугубо «человеческой», которая напрямую связана именно с категориями этического характера.

В прошлом, концепции гетерономной этики, наделяющей мораль статусом внешнего по отношению к человеку субстанциального закона, придерживались, помимо ряда других философов, стоики и неоплатоники, что, конечно же, соответствовало их вполне религиозному мировоззрению. Вспомним в этой связи ветхозаветные строки: «Вложу Закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу Его...» (Иеремия, 31:33); «Вложу внутрь вас Дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять» (Иезекииль, 36:27)...

Фрэнсис Бэкон придал стоическому принципу «естественного закона» («*lex naturalis*») социально-психологический оттенок, а Джон Локк попытался соединить религиозное и эмпирическое обоснование морали на основе «просвещенческого сенсуализма». К метафизическому же по своей сути понятию «моральное чувство» прибегали Эшли-Купер Шефтсбери, Дэвид Юм и Адам Смит. Далее, Иммануил Кант с его категорическим императивом «*Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть Всеобщим Законом*», безапелляционно провозгласил принципиальный приоритет и полную внутреннюю автономию нравственного закона, то есть его независимость от тех или иных «мирских факторов». И, наконец, Иоганн Фихте своим утверждением «*Kein Wissen ohne Gewissen*» («*Нет Знания без Совесть*») объявил уже мораль предшественницей познания.

Как мы видим, в сугубо гуманитарном русле «этический дискурс» до определённого времени шёл достаточно гладко, обретя своё законченное выражение в классической немецкой философии. Но этический скептицизм таких видных философов-материалистов как Клод Гельвеций и Людвиг Фейербах с их вульгарным отношением к морали как к «физике нравов», и особенно воинствующе-безбожная этика Фридриха Ницше не позволяли более для защиты религиозной этики отделяться одними лишь только субъективными психолого-философскими доктринами. Так что для логически корректного оправдания этической правоты великих философов-идеалистов потребовались уже доказательства рационально-объективные, опирающиеся в том числе и на авторитет естественных наук.

Но в 19-м веке эмпирическое естествознание ещё не способно было проникнуть в те тонкие структуры материального мира и обнаружить тот «магический субстрат», который позволил бы реально примирить религию с естествознанием. И лишь в первой половине 20-го века жесточайший для материализма приговор произнёс великий основоположник квантовой физики Макс Планк: «*Материи как таковой не существует! Материя организуется и существует благодаря силе, вызывающей вибрацию во всех элементах атома и сохраняющей целостность этой микроскопической*

солнечной системы... Мы должны чувствовать за ней наличие некоего сознательного Разума, который и является Матрицей Всего Сущего!»

Условия же для истинной, а значит этикоцентричной, «состыковки» естествознания с религией появились лишь только во второй половине 20-го века в связи с бурным развитием нейрофизиологии, молекулярной биологии и генетики, что способствовало появлению таких новых наук как психонейроэндокринология и психогенетика. И вот, научные открытия последних десятилетий в сфере упомянутых дисциплин позволили идентифицировать совокупность нейропептидных гормонов и других нейромедиаторов в качестве информационного субстрата, способного формировать ситуационные психокоды и транслировать их в геномный аппарат человека [1, с. 70–90]. Системное же развитие гипотезы о том, что данные психокоды, обладая онтологическим статусом, выполняют роль оценочных маркеров этически обусловленных поведенческих паттернов человека, привело к созданию Теории Сущностного Кодирования (ТСК).

ТСК представляет собой целостную метанаучно-эвристическую доктрину, согласно которой сущностные параметры каждого человека в течение его жизни на физическом плане подвергаются процессу специфического биоинформационного кодирования, приводящего, кроме всего прочего, к формированию матрицы кодов той потенциально вечной информационной субстанции, которая, в терминологии древних и новых антропокосмологических учений (коиими, конечно, являются и все ныне существующие мировые религии), узнаётся под названием «бессмертная душа человека». При этом, понятие «сущностные параметры» в контексте ТСК определяется как совокупность наиболее значимых для прогресса человечества качеств этической, творческой и познавательной атрибутивности, таких как «честь», «достоинство», «справедливость», «креативность»..., которые в интенциональном ключе находятся «под юрисдикцией» одного из фундаментальных объективных Законов Мироздания [3, с. 159–183]. В адаптивном концепте ТСК этот Высший Управляющий Принцип величается «Законом Совести» и приобретает онтологический статус Энергоинформационного Закона Бытия, который под тем или иным названием («Закон Неба», «Дхарма», «Дао», «Тора», «Ахкам»), всегда ассоциировался в сознании людей с конгруэнтным ядром этического пласта всех мировых религий и традиционных вероучений как метафорических субститутов высших истин, позволяющих адекватно воспринять природу Единого для всех людей Бога-Творца, именуемого также «Высшим Разумом», «Сверхразумом», «Системой Творения» и т. д.

И здесь следует особо отметить тот чрезвычайно важный факт, что понятие «Со-Весть» обозначает Связь человека с Высшим (Божественным) Управлением, базирующуюся на весьма сложном алгоритме сущностного взаимодействия («Со») внутренней информационной структуры человека со внешними эволюционно направляющими влияниями, передающимися по каналу связи Системы Творения («Вести»). И вот, будучи центральной

и ключевой категорией религиозной этики, понятие «Со-Весть» получила, наконец, в свете ТСК свою исконно онтологическую трактовку, основанную на её вполне научно верифицируемой энергоинформационной атрибутивности, адекватно отражённой в точных математических и других параметрах механизма сущностного кодирования, понимание принципов работы которого, в свою очередь, оказалось возможным по причине того, что в широчайшем метанаучном контексте ТСК тщательным образом были сопоставлены, систематизированы и сведены воедино наиболее революционные и прогрессивные исследования, открытия и разработки последних десятилетий в сфере медицины, физиологии, психологии, и многих других естественных и гуманитарных наук. [4, с. 279–286].

Таким образом, как мы видим, с помощью ТСК осуществляется научная верификация кодировочных механизмов процесса сущностного (эволюционно-этического) контроля, благодаря надлежащему выявлению которого вера людей в гарантированность исполнения Закона Совести лишь только и возможна. При этом, следует признать вполне естественным и очевидным, что уже сам факт обнаружения подобного контроля является веским (априорно-убедительным) доказательством существования некоей Высшей по отношению к человечеству Контролирующей Инстанции, которая, создавая людям все необходимые условия для их полноценного духовного развития, весьма эффективно использует свои высочайшие эволюционные технологии действенной коррекции этического поведения каждого человека, курируя при этом своих земных подопечных в плане постоянного мотивирования на рост их сущностной индивидуации.

Научность же упомянутой верификации процесса экзоконтроля обеспечена тем, что в семантическое поле эссенциально интеллигибельных формаций и модусов категориального аппарата ТСК была гипостазирована кластерная система таких функциональных конструкторов как «сущностной психоэндокринный статус», «сущностной R-E нейропроцессинг», «сущностная геномно-гормональная рецепция» «матрицы сущностных стандартов», «детектор сущностных ошибок» и др. В этом же ряду находится и суперкатегориальный «Код Духовного Чина» (КДЧ), при определении которого, помимо факторов сугубо гормональных и нейрофизиологических, учитывается также и геномный вибрационно-резонансный показатель человека. Объясняется же это тем, что поскольку хромосомы нормального кариотипа проходят ряд метафазных состояний различной морфологии и конденсации также и в зависимости от изменения «каузально-этического статуса» человека, то, с учётом этого факта, анализ хромосом индивидуума позволяет судить о степени его духовности и социальной значимости. Детализация же структуры хромосом в кариотипах стала возможной благодаря использованию в медицинской генетике методик дифференциального окрашивания хромосом [2, с. 51–72].

В «научном портфеле» ТСК задействованы также и эксплицитные корреляты из области семиотической этики, согласно которой Сущность

человека – это вероятностно заданная проявленность семантического (смыслового) поля, в аттрактивной среде которого сущностно-этические качества эволюционно зрелой личности реализуются благодаря её способности спонтанно генерировать в нравственно критических ситуациях нетривиальные «семантические фильтры», что позволяет ей сохранять свою индивидуальность и претендовать в этой связи на право обретения высокого КДЧ, обеспечивающего ей сущностное бессмертие.

Итак, говоря предельно простым языком, используя методологию ТСК можно научно обосновать следующее ключевое положение: «жизнь по совести» обеспечивает каждому человеку сущностное бессмертие и духовное благополучие после его физической кончины на земном плане, а «жизнь не по совести» лишает людей права на сущностное бессмертие и неизбежно приводит к роковым для них духовным последствиям. Но ведь как раз именно это положение и приоритетно для всех систем религиозной этики: «*Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим.*» [Откровение, 2:23], «*Ведь праведники, конечно, в благодати! А ведь грешники, конечно, в огне!*» [Коран, Сура 82:13, 14].

И вот, уже на основании всего вышеизложенного была адекватно сформулирована первая в истории человечества научно обоснованная этическая гносеология (эпистемология), которая в полной мере отвечает базовым положениям всех традиционных мировых религиозных учений...

Библиографический список

1. Белкин А. И., Гормоны и бессознательное (Информационная роль гормонов, установка личности и ситуации) // Психоаналитический вестник, № 9, М., 2001
2. Горяев П. П., Энфи (Энфиаджян) А. С. Этика, Духовность... Онкология, Вич // Новые медицинские технологии / М. Медиздат, 2010. – № 11
3. Энфи (Энфиаджян) А. С. Теория Сущностного Кодирования как этический базис мировоззренческой парадигмы 3-го тысячелетия // Сборник материалов международной конференции «Валеология и эниология III тысячелетия» / Симферополь-Ялта, 2007.
4. Энфи (Энфиаджян) А. С. Философские аспекты Теории Сущностного Кодирования: инновационные стратегии в контексте междисциплинарных исследований // Сборник материалов Всероссийской конференции «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций», Омск, 2014 г., 295 с.

VII. DISPUTING ISSUES OF RELIGIOUS EDUCATION OF YOUTH

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТАВНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЫ

М. В. Никольский

*Кандидат педагогических наук,
профессор,*

Т. М. Никольская

*кандидат филологических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. The purpose of the article is to consider the features of the formation of spiritual and moral foundations of students in the teaching of statutory iconography. Of course, we can say that iconography helps to form certain moral qualities, which promote active and deep immersion in icon painting creativity. Here the basic principles of the system of comparative characteristics of creation of illusory and authorized iconographic images are revealed.

Keywords: Orthodox iconography; teaching; spiritual and moral formation of personality.

Активное и эффективное формирование духовно-нравственных основ личности учащихся возможно при обучении уставной православной иконописи (на начальном этапе художественного образования), что подтверждается не только экспериментальным исследованием, но и всесторонним анализом процесса практического выполнения иконы. Данный анализ будет достаточно уместным и корректным, если использовать метод сравнения, в частности процесса создания уставной иконы и иллюзорной (академической) картины с точки зрения формирования духовно-нравственных основ личности обучаемых.

Базовой методологией вышеуказанного сравнительного анализа является разработанная нами система сравнительных характеристик механизмов создания иллюзорных (академических) и уставных иконописных изображений. Безусловно, что академический подход к созданию изображения не является неприемлемым. Он дает возможность качественно, с точки зрения духовно-нравственной, рассмотреть методы создания иконы.

Академический (иллюзорный) подход является как бы мериллом, точкой отсчета для анализа уставной иконописи. В данном случае мы не будем сравнивать два подхода к созданию изображения вообще, а попытаемся сформировать основные концептуальные особенности и возможности духовно-нравственного формирования поэтапного создания уставной пра-

вославленной иконы (на начальном этапе художественного образования), в опосредованном соотношении с академическим (иллюзорным) подходом.

В этом контексте обнаруживаются три стадии уставного подхода к созданию учащимися иконописных изображений, они заключаются в:

1) подготовке к работе над иконой и последующее функционирование законченной работы;

2) изобразительно-выразительных средствах (символика, композиция, богословие) и ценностях иконы;

3) технике написания иконы.

Данные положения влияют на духовно-нравственное становление личности следующим образом:

В процессе реализации первой стадии:

- Необходимость молитвенного сосредоточения перед работой и непосредственно перед написанием конкретного иконописного образа дает возможность личности предельно сконцентрироваться на своей деятельности и на создаваемом образе, работая без суеты и внутренней рассеянности. При этом приобретается привычка сосредоточенной и вдумчивой работы в любой деятельности.
- Необходимость постоянного сравнения с образцом, с житием персонажа и со своим внутренним его восприятием, посредством принципа «обратных связей», дает возможность личности постоянной концентрации и работы своих духовных мыслей и желаний. Это формирует привычку работать над иконичным образом без какого-либо умозрительного или гипотетического наития, а только на основе интеллектуальной и духовной деятельности, сообразуясь с объективными реалиями и знаниями о выполняемом образе (работа мышления, а не воображения).
- Житие и нравственный подвиг изображаемого святого (подвиг всегда отражен в иконографии) является зримым примером для выполняющего изображение этого святого. А процесс изображения делает исполнителя сопричастным событиям жизни святого.
- Икона по своей сущности является скорее книгой, чем картиной, поэтому требование для иконописцев знакомиться с житийными историческими, агиографическими, искусствоведческими, иконографическими, литературными и художественными источниками. Это дает возможность своеобразного погружения учащегося в эпоху и житие изображенных персонажей. Затем, приступая к работе над иконическим изображением, у обучаемого появляется уверенность и полное представление о духовном подвиге святого. А это, в свою очередь, дает навык изображать истину и объективную реальность, конечно символическими средствами.
- Иконописец работает освященными инструментами и материалами, а так же сам получает разрешение (благословение) священника писать

икону, что помимо духовного благоговения воспитывает у учащихся аккуратность, усидчивость и требовательность к себе.

- В случае, если икона написана удачно она может находиться на особом священном месте, что воспитывает благоговейные чувства и смирение (хотя может быть и обратная реакция – гордыня и тщеславие, в этом случае преподавателями были допущены педагогические ошибки ранее).

В процессе реализации второй стадии:

- Полная соподчиненность иконы идейному духовному замыслу в процессе создания, явно или опосредованно вовлекает исполнителя в эту идею. Это определяет исполнителя как выразителя духовной идеи, так как идейность является критерием качества работы.
- Литургичность иконы и соподчиненность ее горнему миру дает возможность исполнителю в эстетическом плане оторваться от рутинной действительности, и через символические формы иконописи соприкоснуться с идеальным и возвышенным миром. Таким образом, происходит своеобразный процесс очищения личности от мирского и суетного.
- Само иконическое изображение предельно нематериальное, что дает возможность обучаемому в работе над иконой видимыми средствами научиться понимать невидимое – духовное.
- Символичность иконического изображения предлагает обучаемому возможность приобретения опыта абстрагирования (в эстетическом плане) из мира дольного в мир горний. Таким образом, появляется опыт прочтения внешнего эстетического символа как средства познания какой-либо нематериальной духовной идеи.
- Сакральность иконы понимаемая и изучаемая личностью через ее создание раскрывает понимание того. Что эта личность делает больше того, что видит. Через это рождается чувство благотворительности перед святыней воспитывая у обучаемого аккуратность и ответственность.
- В отличие от изобразительного искусства в целом красота в иконе это не цель, лишь средство выражения духовной идеи. Поэтому для обучаемого важнее передача духовной сущности изображаемого события на иконной доске, а не ее эстетизм. Следовательно, нет слепого подражания эстетизму, а есть духовный поиск, но через пятно, тон и линию.
- Учитывая два вышеуказанных пункта необходимо помнить, что любой элемент иконической плоскости самодостаточен и символичен и, следовательно, нет художественной недосказанности силуэтов и композиционных элементов иконы. Поэтому исполнитель базируется только на четком понимании того, что он изображает, и в выполнении задания не следует по наитию. Это активно развивает мысли-

тельную деятельность, внимание и бережное отношение к передаваемой древней традиции.

- Точное следование духовной традиции и иконописным образцам воспитывает у обучаемого такие духовные качества как смирение, честность, открытость. А возможности иконописного творчества раскрывают у будущего иконописца мудрость, чуткость, объективность.
- Таким образом, иконописец не передает свое эгоцентрическое отношение к образу переосмысливая его и трансформируя по своему подобию к субъективизму, но происходит объективная передача подвига святого или какого-либо духовного события. Что дает возможность обучаемому почувствовать себя вовлеченным в многовековой духовный опыт наших благочестивых и высокодуховных предков.

В процессе реализации третьей стадии:

- Икона – это творчество не одного человека, а творчество соборное, поэтому важно стремление передачи предыдущего опыта в каждой новой работе, следовательно важна ответственность, честность, справедливость и вместе с тем современное переосмысление исполнителя иконописного канона как хранилища древних непреходящих ценностей, что формирует в будущем иконописце чувство долга и самопожертвования.
- Процесс выполнения иконы в материале требует точного соблюдения технологии, что воспитывает усидчивость, последовательность ведения работы и смирение.
- Старинная, проверенная временем технология создания иконичного образа приобщает создающего к древней православной культуре в плане материала и техники написания, что формирует благоговейное отношение к святыне, бережность, а так же чувство исторической соборной сопричастности к духовным ценностям.
- В иконописании существует особая культура нанесения красочных слоев (точность, ритмичность, техника плавей...) что обуславливает необходимость длительного приобретения учащимися соответствующих навыков в этом виде творчества, поэтому необходимы такие качества личности как терпение, трудолюбие, внимание и высокий уровень мотивации к соответствующим занятиям.
- Работа над иконой не предусматривает иллюзорных, синтетических материалов (фальшматериалов). Иконописание принципиально настаивает на натуральных материалах в силу того, что они, в отличие от полимерных синтетических составляющих, не содержат элемента фальши, а значит лжи и двойственности. Это дает личности обучаемого избежать внутренней двойственности, развивая при этом честность и целостность.

В духовно-нравственном становлении иконописца эффективной будет возможность выполнять все стадии создания иконы от распиловки

доски до закрепления иконной поверхности финишными слоями, что дает возможность прочувствовать весь этот таинственный процесс воплощения невидимого, сакрального качества в видимый символический образ, что дает возможность личности глубокого и сущностного познания истины приобретая мудрость и духовный мир.

- Иконы никогда не подписывались исполнителем, что освобождает его от эгоцентричности (как и воплощение композиции иконы посредством обратной перспективы).
- Исходный материал для создания иконы и работа иконописца могут только дополнять друг друга во своеобразном сотворчестве, в противном случае произойдет выхолащивание образа с набором чисто технических эффектов или воплощение на иконной плоскости чисто субъективного видения (и чувствования) исполнителя, что несовместимо с соборным иконописным творчеством. Напечатление в душе учащегося этой установки благодатно влияет на развитие таких качеств как справедливость, честность и тонкость восприятия духовных откровений.

В вышеуказанных стадиях не указан процесс восприятия иконы, поэтому нет упоминания о системе обратной перспективы и системе влияния на личность богословских, композиционных и символических аспектов иконы.

Таким образом, мы видим, что будущий иконописец уже на начальном образовательном уровне должен обладать определенными моральными качествами, что способствует его активному и глубокому погружению в процесс иконописного творчества, результатом которого, помимо практических навыков, становится формирование таких качеств как сосредоточенность, вдумчивость, сопричастность к духовным событиям, аккуратность, усидчивость, требовательность к себе, восприимчивость к духовным истинам, смирение, ответственность, бережное отношение к национальным традициям, мудрость, чуткость, объективность, чувства долга и самопожертвования, целостность, соборная сопричастность, духовный мир, справедливость и тонкость восприятия духовных откровений, что является составляющими высокой нравственности.

Библиографический список

1. Никольский М.В. Культурфилософские особенности уставной иконописи / М.В. Никольский. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука-Общество», 2014. – 243 с.
2. Бобров Ю.Г. Основы иконографии древнерусской живописи / Ю.Г. Бобров. Санкт – Петербург: АКСИОМА, 1995. – 240 с.
3. Никольский М.В. Канонический язык православной иконы (семиотический аспект). Монография / М.В. Никольский, 2015.- 108 с.
4. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви / Л.А. Успенский. М.: ДАРЬ, 2007. – 480 с.

5. Никольская Т.М. Символика и семантика иконописного образа / Т.М. Никольская // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, 2011. №9.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019–2020 ГОДАХ**

Дата	Название
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2020 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2020 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2020 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2020 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2020 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2020 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2020 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2020 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2020 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2020 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2020 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2020 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2020 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2020 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2020 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2020 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2020 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2020 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2020 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2020 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2020 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2020 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2020 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2020 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2020 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2020 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2020 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2020 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2020 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2020 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества

1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy
State University named after Shakarim Semey City
Belgorod State University

RELIGION – SCIENCE – SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERACTION

Materials of the IX international scientific conference
on November 1–2, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 07.11.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 5,5.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz